Эмма Ян

Любовь приходит тихо

18+

Эмма Ян

Любовь приходит тихо

«Автор»
2026

Ян Э.

Любовь приходит тихо / Э. Ян — «Автор», 2026

Малыш был очень худеньким, как будто не доедал, с кучерявыми темным волосами, был одет в пижаму с мишками. Он не поднимал головы вообще, никаких звуков от него. Она тихонько вытащила из сумки яркие мягкие кубики и маленькое пианино. Настроив звук потише, положила игрушки поближе к малышу. Его ручка нащупала один из кубиков; мальчик с интересом взял его и начал вертеть в пальцах, разглядывая со всех сторон. Ей было жизненно важно установить с ним зрительный контакт. Наконец Анна увидела его лицо. Когда он слегка приподнял голову, стало заметно, что его глаза — точно такие же зеленые, как у отца, — вовсе не были пустыми. В этом взгляде читалась осознанность. «Значит, еще не все потеряно», — с улыбкой подумала она.

© Ян Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 13
ГЛАВА 4 17
ГЛАВА 5 20
ГЛАВА 6 23
ГЛАВА 7 27
ГЛАВА 8 31
ГЛАВА 9 34
ГЛАВА 10 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Эмма Ян
Любовь приходит тихо

ГЛАВА 1

Аня как всегда была на работе, когда услышала рингтон своего телефона и очень удивилась этому, так как обычно в рабочее время ей никто никогда не звонил, знали что она занята. Посмотрев на экран телефона, она тут же приняла вызов, ведь звонила ее лучшая подруга, вдруг что-то случилось. Аня при этом закрыла дверь в комнату, взяв с собой видео-няню, чтобы наблюдать за малышом, который спал сейчас самым мирным сном.

— Да! Леся что случилось? Я только ребенка спать уложила, так что тебе повезло что я свободна сейчас более менее – быстро прошептала Аня своей подруге.

— Аня! Ничего не случилось страшного! Не переживай. Просто хочу тебе работу классную предложить, намного высокооплачиваемую чем сейчас. Ты же знаешь сейчас я живу у своего парня и у него есть сын 3-х лет, ему нужна няня.

— Лесь! Давай об этом поговорим как только я закончу тут и ты подробно мне все обьяснишь. А то мне некогда сейчас. Малыш ворочается.

— Окей, позвони мне как освободишься.

На этом они и порешили. Аня вот уже 8 лет работала няней, в основном с малышами от 8 мес. Так как ей очень нравился этот возраст, самый сладкий и мимишный возраст. Так классно наблюдать за тем как малыш развивается на ее глазах: первые шаги, первое сложное слово, их искренний смех, даже их слезы – все это она обожала. И хотя года шли, становилось сложнее сидеть с такими малышами, так как здоровье то не прибавлялось с уходящим годом, а наоборот убавлялось. И поэтому она уже потихоньку приняла для себя решение – поработать еще 2 года и уйти из этой сферы, тем более многие ее дети уже выросли и ходили в школу.

Через пару часов она уже выбежала из дома своих работодателей, спеша домой. Уже дома облачившись в домашнюю одежду, поев, налила себе ароматного чаю с кусочком тортика Молочной девочки, позвонила своей подруге. С Олесей они дружили уже лет 10 где-то, и никогда вы не видели таких разных людей и по характеру и по внешности. Одна высокая, очень красивая с длинными волосами, всегда стильная и на готовом марафете. Первое время Аня думала, что Леся спит с этим марафетом, чтобы наготове быть утром. Она же сама практически не пользовалась косметикой, максимум помаду себе позволяла по праздникам. Аня же бы маленькая, полненькая с короткой стрижкой. Их пару называли небо и земля, ибо одна была стервой, а другая мягкая, добрая и пушистая. На это подружки говорили всем, что они наоборот друг друга дополняют и им вместе хорошо, ни разу не поссорились за эти 10 лет, ведь по сути делить нечего.

— Я все! Уже дома, жую тортик с чаем! Готова выслушать твое предложение.

— С окончанием работы тя поздравляю, знаю как устаешь ты в последнее время на этой работе, даже встретиться не можем нормально.

— Спасибо! Да малыш сегодня капризничал, пришлось немного помучиться. Но ничего впереди несколько дней отдыха зато, передохну как раз. Ну что там рассказывай давай!!! И я не пойму зачем твоему парню няня, если есть ты, ты можешь вполне занять эту роль, тем более у вас дело к свадьбе идет как ты говоришь.

— Эээээээ. Понимаешь там ребенок особенный, он не разговаривает вообще, тормозит в развитии, вроде аутизм поставили. Я с такими детьми не умею обращаться, да и боюсь я их немного. А у тебя как раз есть специализация по таким детям, тебе я доверяю, дети тебя любят. И парня моего не уведешь – хахаха, шутка.

— Очень смешно. Нужен мне твой парень, ага, не смеши меня. На чужое не смотрю. Больше не шути так!

— Ладно ладно, извини, больше не буду. Ну так что подходим мы тебе? Ах да там зп будет бешеной, он как мне сказал сумму, так я позавидовала аж целых 5 минут. Но потом глянула на мальчугана и поняла что не могу я на это пойти. О тебе как раз сразу подумала. Вы друг друга поймете сразу. Зп около 320 тыс руб в мес. с полным проживанием у нас дома, выходные и отпуск естественно предусмотрены.

При услышанной сумме от неожиданности Аня облила на себя чай:

— Ежики корежики!

— Что случилось Ань!

— Да чай на себя облила из за зп. Твой парень миллионер что ли? И как ты себе это представляешь, что мы все вместе будем жить под одной крышей???

— Слушай долго объяснять по телефону, давай лучше на днях приезжай к нам домой и я те покажу как все тут устроено и познакомишься как раз с моим женихом и его сыном. Да и Юлька по тебе соскучилась очень, постоянно спрашивает когда придет ее любимая няня.

— Я тож по ней соскучилась уже. Ладно приеду к вам, время завтра назначь и адрес напиши приеду.

На том они и попрощались. Аня пошла в душ, по дороге снимая запачканную одежду. Да Юльку свою она не видела уже пару месяцев как, работы много было и времени не хватало все заехать к подруге. Да и если честно, поработаешь так с чужими малышами, потом уже сил нет на своих, даже горячо любимых детей. Подруга ее вот уже как 3 года была в разводе, и со своей крестницей в то время Ане пришлось пожить, пока ее подруга решала все жизненные вопросы из за развода: поиск нового жилья, переезд, скандалы с бывшим мужем, ибо тот вообще категорически не хотел разводиться. А если женщина, особенно как Олеся, решит что все с нее хватит, ее ничего и никто не остановит. Так они и развелись с горем пополам. Хорошо что Юльке тогда было всего 2 года, и она толком ничего не поняла, наоборот обрадовалась что переехали. А девочка была очень смышленой в свои 2 года, многое конечно она все равно не понимала в силу своего возраста, но то что родители кричат друг на друга – это плохо, это она понимала прекрасно. В этот момент Юлька убегала в свой вигвам и сидела там тихо и плакала. А родители в этот самый момент орали как потерпевшие и забыли о собственном ребенке вообще. Хорошо что тогда приехала Аня, она уже на лестничной площадке услышала звон посуды и крики. Открыв дверь своим ключом, да у нее был свой дубликат ключей, так как часто сидела с крестницей, войдя в квартиру она сразу начала искать ребенка, и нашла она ее по нарастающему реву из вигвама. Ребенок испугалась когда услышала как стала падать посуда.

Тогда Аня сразу же вытащила ревущего ребенка из вигвама, крепко к себе прижав, потихоньку ее успокаивая:

— Тихо, тихо моя девочка, все хорошо. Я тут рядом. Хочешь поедем ко мне домой на несколько дней в гости? Будем у меня дома веселиться.

При этих словах ребенок притих и впервые подняла голову, улыбнулась во все свои зубы: Хочу!!!!!!

Пока Аня собирала некоторые вещи крестницы в сумку, в это время в комнату зашла зареванная подруга, но в этот момент Аня была зла именно на подругу, что они с мужем снова устроили скандал при ребенке как будто ее и не было вообще. Поэтому она только и сказала ей:

— Я заберу пока Юлю к себе на несколько дней, пока вы тут не выясните все, можете хоть весь дом разрушить, мне все равно. За дочкой приходи когда успокоишься морально.

На этом Анна взяла на руки спящую Юлю, ребенок от переизбытка чувств успела заснуть на ковре, хорошо что на дворе было лето и одевать не пришлось ее. Олеся даже не глянула на дочь, она была вся в себе и скорее всего про себя ругала мужа последними словами. Поэтому прихватив с собой легкое одеяло, накрыв ребенка Анна поехала к себе. Уже дома Аня осто-

рожно положила спящую девочку на свою кровать, обложив подушками, чтобы та не упала, и подсунула ей в руки ее любимого зайчика.

Сама же пошла успокаивать свои нервы крепким кофе. Она тогда была очень зла на свою подругу, так как они ругались так сильно что не заметили даже ее прихода и самое главное не услышали, как их ребенок заливается громким плачем. Аня просто не могла понять, как можно так ругаться не замечая ничего вокруг.

Подруга приехала только через 2 дня, вся опухшая от слез. Именно тогда Олеся и сказала, что решила развестись, ибо так невозможно больше жить. Крестница тогда так и не вернулась домой, она жила у Ани около полугода, пока ее мать решала все вопросы. Ане пришлось свой график работы подкорректировать немного: она работала в те дни когда Юля начала ходить в сад. Те полгода с крестницей и постоянно плачущей подругой под боком для Ани стали самым тяжелым временем и морально и физически. Она буквально выдохлась. Но они все справились!

Сейчас подруга вот уже как 9 мес встречается со своим Кириллом, недавно к нему переехала уже жить. И вроде все идет к свадьбе. Крестнице уже 5 лет, и она не помнит как папа с мамой ругались сильно. Она просто говорит, что они ссорились и все. Видимо ее мозг заблокировал эти скандалы, чтобы уберечь себя же, чему Аня была рада в глубине души. А то она до сих пор помнит эти кошмары с плачем крестницы по ночам первые 2 недели.

Когда все устаканилось, и они переехали к себе, Аня купила авиа билеты и укатила к морю восстанавливать свои силы.

Уже засыпая Анна получила сообщение от подруги: Завтра в 17 часов. Мы пришлем за тобой машину, а то сама не доберешься, такси сюда не едут.

ГЛАВА 2

На следующий день Анна сначала заехала в большой магазин игрушек, чтобы купить что-нибудь для Юли и для мальчика. Затем она позвонила Олесе, чтобы ее забрали с этого магазина. Накануне они договорились уже что Анька позвонит той, когда закончит свои дела в городе. Оказалось, что парень Олеси жил за городом и самостоятельно добраться до его дома проблематично, можно сказать что его дом был в глуши.

И точно как только они съехали с основной трассы, они поехали глубоко в лес, вокруг были одни деревья высокие. Если бы Анька не знала, что едет к подруге, то она бы точно испугалась уже давно. Через минут 15 такой лесной дороги они выехали наконец-то к дому. И это был даже не дом, а огромная двухэтажная вилла. Анька аж обалдела от такого вида красивого: огромная вилла и вокруг деревья, ели, аккуратный газон. Она так и стояла с приоткрытым ротиком от удивления, пока водитель ей не сказал:

— Там за домом Анна Николаевна еще есть озеро, качели для взрослых и оборудована детская площадка.

От его слов девушке еще больше захотелось попасть внутрь и оттуда к озеру. Водитель вытащил ее покупки, вручил ей в руки и она вошла в дом. Перед ней сразу открылась милая картина: Олеся лежит на диване, хохочет, ее крестница на полу играет с парнем Олеси, тот ее кормит с ложечки мороженным и все смеются. Прямо идиллия какая -то. Вот только странно что нигде не было видно мальчика. Тут Юлька замечает наконец-то в дверях Аньку, вскакивает и с криком: Няня! Побежала к ней с распростертыми руками.

Ане пришлось присесть и обнять свою крестницу, поднять ее она уже не могла никак, девочка была рослая, вся в родителей и для 5 лет она выглядела на все 8.

— Ну наконец-то ты приехала моя любимая нянечка! Я так по тебе скучала, так ждала. У меня столько новостей для тебя и есть много чего нового показать тебе – быстро протараторила девочка.

Аня с неким торжеством вытащила из сумки сюрприз для девочки, это был конструктор Лего дом с куклами. Увидев такой набор, девочка обо всем уже забыла, схватила его, обняла еще раз Аньку поблагодарив ее и побежала показывать маме со словами:

— Мама, мама и дядя Кирилл смотрите что мне няня принесла. Все я побежала собирать его.

Юлька очень любила Лего, ей нравился именно сам процесс сборки, чем результат. И Аня старалась баловать свою крестницу, несмотря на то что Олесе не нравился этот Лего, ее отговорка была такая, что некуда потом его ставить. На что Анька ей всегда говорила, купи большой стеллаж для этого и все, проблема решена.

Пока девушка думала об этом, к ней уже подошли Олеся с Кириллом.

— Привет моя хорошая, — обнимая свою лучшую подругу, прошептала Олеся. Познакомься это Кирилл, мой парень.

— Привет Лесь! И здравствуйте Кирилл, приятно познакомиться, наконец-то встретились вживую – сказала Анна, протягивая ему свою руку для рукопожатия.

— Здравствуйте Анна! Тоже очень рад нашей встрече. – пожимая руку девушке.

— А что вы такие официальные оба, что-то не поняла я а. – ворчливо проговорила Олеся положив руки на бока. Вообще-то вы мои будущие жених и подружка невесты.

На ее слова Аня и Кирилл обернулись на Олесю, посмотрев на нее как на идиотку, потом снова посмотрели друг другу в глаза понимающе, то есть они друг друга поняли без слов, что отношения у них будут чисто деловые.

— Олеся, вот я принесла тортик к чаю, все-таки в гости ехала к вам, с пустыми руками как-то неудобно было ехать.

Девушка протянула торт парню, и они все пошли в зону кухни. Точнее в огромную столовую с панорамными окнами с видом на озеро. Девушка сразу заметила красоту за окнами, она очень любила все что связано с водой и природой. Ее это все завораживало.

— Ну садись подружка сюда, сейчас за чаем как раз все расскажем тебе. – выдвигая стул для Ани проговорила Олеся.

Парочка села напротив нее. А чай с тортом вынесла женщина в фартуке с седыми волосами. Все аккуратно поставила перед ними и молча ушла. Потом уже Олеся сказала, что это домработница Надежда Викторовна, все вопросы по дому и готовке – все к ней обращаться.

Аня конечно про себя немного прибалдела от такого масштаба прислуги в доме: домработница, водитель, садовник и куча охраны, о садовнике и об охране девушка узнала от водителя по дороге. В первый раз Аня встретила такого богатого работодателя. Теперь она поняла, что размер ее зп для Кирилла была не проблема. Вот сейчас она поняла, что у нее все ее работодатели просто обеспеченные люди с доходом выше среднего, по сравнению с этим Кириллом.

— Кстати а где ваш сын Кирилл? Не вижу его тут что-то? – спросила у него Анна, положив в рот кусочек тортика, зажмурив глаза от удовольствия. Девушка очень любила сладкое, это было ее самое лучшее успокоительное средство, а сейчас она немного нервничала под взглядом Эдика. Она уже давно на себе периодически ловила на себе его изучающие взгляды, от них ей было не по себе как-то.

Кирилл сидел за столом и изучал девушку. В его кабинете на столе лежало досье на Анну — толстая папка, в которой, казалось, была собрана вся её жизнь: от любимых сортов чая до старых медицинских заключений. Он не хотел подпускать к сыну кого попало. Не после всего, что уже случилось. Ему нужно было знать каждую мелочь, каждую потенциальную угрозу — даже если она пряталась за доброй улыбкой и отсутствием тяжёлых духов.

Он изучал её фотографию снова и снова: невысокая, с короткой стрижкой, будто не хотела тратить время на то, что не имеет значения. Глаза — спокойные, без суеты. Никакой вычурности, никакой попытки казаться кем-то другим. Естественная. И всё же… он не мог отделаться от ощущения, что где-то прячется подвох.

И подвох нашёлся. В самом низу папки, в сухих строчках официального заключения: «ДЦП, инвалидность III группы». Сначала он не поверил Олесе, когда та шепнула ему об этом, будто боялась даже произносить диагноз вслух. Потом не поверил бумаге. А потом, глядя на Анну вживую, не поверил собственным глазам. Он видел детей с ДЦП в реабилитационном центре, куда ходил с Марком, и представлял себе совсем другое. А тут… перед ним сидела женщина, которая двигалась легко, говорила спокойно, не прятала взгляда.

В какой-то момент тишина в помещении стала слишком плотной. Олеся нервно теребила край скатерти, будто пыталась удержать равновесие. Кирилл сцепил пальцы, посмотрел на Анну и наконец спросил прямо:

— Анна Николаевна, ваше заболевание… ДЦП… оно не мешает вам работать с детьми?

Анна не вздрогнула. Не отвела взгляд. Даже не нахмурилась. Лишь чуть улыбнулась — так, будто этот вопрос был ей давно знаком и не обижал, потому что задавался из тревоги, а не из презрения.

— Нет, — сказала она спокойно. — Моё заболевание никак не влияет на мою работу с детьми. Я выкладываюсь по полной программе, как здоровый человек. Честно скажу, иногда бывает тяжело. Прихожу домой и падаю без сил. Но именно поэтому у меня сейчас свободный график — чтобы успевать восстанавливаться между работами. Поэтому я и не готова сразу сказать «да». Всё будет зависеть от вашего сына. Где он?

Олеся и Кирилл переглянулись. Этот взгляд был почти незаметен, но Анна его уловила — тот самый миг, когда взрослые пытаются спрятать неудобную правду за синхронным движением ресниц.

Олеся глубоко вздохнула, будто собиралась нырнуть в холодную воду, и заговорила осторожно, подбирая слова так, чтобы они звучали как забота, а не как оправдание:

— Понимаешь, малыш сейчас внизу, с Надеждой Викторовной. Он вроде её полюбил, не отталкивает. Он живёт отдельно от нас, на цокольном этаже. Там его комната, там же живёт весь персонал. Можно сказать, ребёнок под присмотром. Мы его отделили от нас, потому что мальчику не нравится находиться наверху: он шума боится, а там внизу тихо и спокойно.

Каждое её слово падало на стол, как камешек в лужу. Анна слушала, не перебивая. Но внутри у неё всё сжималось, а потом вдруг резко распрямилось, как пружина. Она не позволяла себе кричать, не позволяла эмоциям прорваться наружу — но внутри всё кипело. Как можно назвать «спокойствием» жизнь ребёнка в полуподвальном этаже, среди чужих людей, будто его место там, где его не видно?

Она глубоко вдохнула. Ещё раз. И ещё. Пыталась удержать голос ровным, чтобы не напугать их своей реакцией, но и не проглотить её.

— Цокольный этаж, — повторила она тихо, будто проверяя, правильно ли расслышала. — С персоналом. Один.

Олеся поспешно закивала, будто этим могла сгладить углы:

— Да, но там тихо! И Надежда Викторовна очень опытная. У неё огромный стаж, она работала в семье с особенными детьми…

— Он не «особенный ребёнок», — перебила Анна, и в её голосе не было злости — только твёрдость, от которой становилось не по себе. — Он мальчик, который боится громких звуков. И вместо того чтобы научить его, что дом — это место, где его защитят от этих звуков, вы научили его, что его место — там, где его не слышно.

Кирилл пошевелился, будто хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Его досье, его контроль, его тщательно собранная информация вдруг показались ему жалкой защитой от настоящей, живой боли.

Анна встала. Не резко, но так, что стало ясно: она больше не будет сидеть и слушать оправдания.

— Я не буду работать там, где ребёнка прячут, — сказала она чётко. — Если я останусь, он будет наверху. В доме. Да, тут шумно. Да, ему будет страшно. Но он должен знать, что его не убирают в подвал, когда становится неудобно. Он должен видеть, что есть люди, которые готовы закрыть дверь, приглушить музыку, сесть рядом и сказать: «Я тут. Ничего не случится».

Олеся открыла рот, чтобы возразить, но Анна покачала головой:

— Не надо. Я не осуждаю вас. Вы хотели как лучше. Но «лучше» для взрослого и «лучше» для ребёнка — это разные вещи. И если вы хотите, чтобы он когда-нибудь перестал бояться этого дома, нельзя делать этот дом местом, куда его не пускают.

Тишина в столовой стала другой. Не напряжённой, а тяжёлой от осознания. Кирилл медленно провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть с себя эту неловкость, эту неправильность, которую он так старательно не замечал.

— Мы… подумаем, — наконец сказал он, глядя не на Олесю, а на Анну. — Мы что-нибудь придумаем.

— Думайте быстро, — ответила Анна, но уже мягче, без прежнего напора. — Не потому что я требую. А потому что каждый день, проведённый внизу, учит его одной и той же мысли: «Меня держат подальше». И эту мысль потом будет очень трудно стереть.

Она подошла к окну, посмотрела на двор, где ветер гнал по дорожке сухие листья. Потом обернулась:

— Если я останусь, мы начнём с малого. Пусть он хотя бы раз в день поднимается наверх. Пусть посидит на кухне, пока варится какао. Пусть увидит, что тут не страшно. И пусть кто-то из вас — вы, Олеся, или вы, Кирилл, — будет рядом, когда он войдёт в дверь. Не для проверки, а просто чтобы он знал: его ждали.

Олеся опустила глаза, будто впервые увидела эту ситуацию не как проблему логистики, а как рану, которую они сами нанесли.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я… я могу посидеть с ним на кухне. Если он захочет.

Анна кивнула. Это не было победой. Это был первый шаг. Маленький, неуверенный, но важный.

— Этого достаточно на сегодня, — сказала она. — Остальное будем делать по дням. По минутам. По одному спокойному вдоху за раз.

— Покажите мне его, пожалуйста. И, кстати, как его зовут? И почему о мальчике я слышу только сейчас, хотя вы встречаетесь уже девять месяцев?

Вопрос повис в воздухе, и Кирилл будто споткнулся о него, хотя шёл уверенно, широкими шагами, будто хотел поскорее закончить этот путь и поставить точку в одном из самых тяжёлых разговоров своей жизни. Он чуть замедлился, не оборачиваясь, будто боялся увидеть в её глазах то, чего не хотел замечать: осуждение.

— Его зовут Марк, — тихо сказал он. — Я сам только недавно узнал о нём. Моя бывшая жена привезла его мне пару месяцев назад, сказала, что ей не нужен такой ребёнок, написала отказную и уехала. Такой, какой он есть… я понял это только через пару дней общения с ним. Марк прошёл медицинскую комиссию, ему поставили аутизм. К нему уже приходили другие няни, но он всех отталкивает — даже не смотрит в их сторону. Сидит в углу и всё. С ним очень сложно. Няни сами уходят, несмотря на высокую зарплату. Я уже руки опустил, если честно… Пока Олеся не рассказала о вас, Анна Николаевна.

Анна шла рядом, не перебивая, не задавая лишних вопросов. Внутри у неё всё кипело: ярость на мать, которая просто «отчалила», как бросают ненужную вещь; на самого Кирилла, который будто пытался оправдать своё незнание; и на Олесю, которая столько месяцев молчала, позволяя этой ситуации существовать, будто это нормально. В голове стучало: «Я ей все волосы вырву, если выживу этот день». Но внешне она оставалась спокойной — потому что сейчас важнее было не выплеснуть гнев, а увидеть мальчика. Понять, где он живёт. Что его окружает.

Они спустились по широкой лестнице, и Анна вдруг поняла, что её страхи о «подвале» были слишком мрачными. Это оказался не сырой, тёмный подвал, а полноценный цокольный этаж — просто отделённый от парадной части дома, скрытый от глаз гостей, но обустроенный с той самой основательностью, которая бывает, когда деньги решают всё, кроме главного.

Посередине располагалась просторная гостиная: большой диван, пара глубоких кресел, огромный телевизор почти на всю стену. На полу лежал мягкий ковёр, настолько пушистый, что хотелось ступить на него босыми ногами. Здесь было светло: большие окна под самым потолком пропускали дневной свет, а вечером, наверное, зажигались тёплые лампы, и комната становилась похожей на уютный кокон.

Рядом с гостиной шли жилые комнаты. Первая — комната Марка. Дверь была чуть приоткрыта, и из щели пробивалась тонкая полоска света, рядом — комната няни. Напротив — ещё две комнаты: там жили домохозяйка и её помощницы. Дальше — небольшая гостевая комната, аккуратная, с чистым бельём и свежими полотенцами, будто готовая принять кого-то в любой момент.

В другом крыле цокольного этажа находился спортзал — именно поэтому тут постоянно кто-то был: охрана периодически приходила заниматься, садовник забегал переодеться, водитель иногда спускался выпить кофе. Рядом — небольшая кухня с обеденным столом: персонал ел здесь, не поднимаясь наверх, не смешиваясь с «главным домом».

Всё было просторно, светло, чисто. Идеально. Но от этой идеальной чистоты Анне становилось только холоднее. Потому что уют — это не про квадратные метры и не про пушистые ковры. Уют — это когда ты знаешь, что тебя ждут. А Марк, скорее всего, ждал не здесь.

Кирилл остановился у двери Марка и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Он сейчас в комнате. Надежда Викторовна сказала, что он сегодня рисовал. Это редкость. Обычно он просто сидит.

Анна села на диван — но не так, будто собиралась наблюдать со стороны, а так, чтобы сразу показать: она готова спуститься туда, где ему спокойнее.

— Приведите, пожалуйста, Марка сюда, — тихо, но твёрдо сказала она. — Пусть он будет в этой комнате. Тут светло, тут тихо, и тут нет ничего, что внезапно зашумит.

Кирилл не стал возражать. В его молчании было не равнодушие, а напряжённое ожидание — ему и самому было важно увидеть, как всё пойдёт. Он будто держал в себе вопрос: «А вдруг и она не сможет? Вдруг и с ней он просто сядет в угол и замкнётся?»

Анна чуть наклонила голову, словно проверяя, правильно ли она всё рассчитала, и добавила:

— Олеся, сядь, пожалуйста, в кресло. Не рядом, не вплотную, а там, где ты будешь видна, но не будешь нависать. А вы, Кирилл, как папа, присядьте на ковёр. Не напротив, лучше чуть сбоку, чтобы не было ощущения допроса. Я тоже спущусь к ним.

Олеся хотела было что-то сказать — может, возразить, может, просто по привычке взять контроль, — но осеклась, увидев, как спокойно и уверенно держится Анна. Она молча прошла к креслу и села, сложив руки на коленях, будто пыталась удержать в себе всю свою суетливость.

Кирилл опустился на ковёр — не сразу, а так, будто проверял, выдержит ли этот мягкий ворс его тяжесть, его вину, его страх оказаться бесполезным. Он сел чуть в стороне, не глядя прямо на дверь, будто боялся спугнуть сына одним только взглядом.

Анна сошла с дивана и села на ковёр, подогнув ноги, не слишком близко к тому месту, где должен был появиться Марк, но так, чтобы он мог её заметить, если поднимет глаза.

Мальчик вышел, не поднимая головы. Его взгляд был устремлён вниз, к полу, будто там, в переплетении ворсинок ковра, пряталось что-то важное, что он обязан был не потерять. Он крепко держался за руку женщины, как за единственную верёвку, которая связывала его с безопасностью.

Домохозяйка подвела его к ковру, присела рядом на секунду, тихо шепнула:

— Тут хорошо. Тут никто не торопит.

Марк чуть помедлил, будто взвешивал её слова, а потом медленно, палец за пальцем, разжал ладонь. Он отпустил её руку.

Женщина выпрямилась, кивнула Анне и тихо отошла к стене, становясь почти незаметной — как и нужно было сейчас.

ГЛАВА 3

Мальчик остался стоять на краю ковра. Он не смотрел ни на Олесю в кресле, ни на отца, ни на Анну. Он просто стоял, будто прислушиваясь к дому: не щёлкнет ли где-то выключатель, не заскрипит ли дверь, не раздастся ли резкий звук, после которого всё снова станет плохо. Он потихоньку сел на ковер и стал шарить по ковру руками, что-то ища.

Малыш был очень худеньким, как будто не доедал, с кучерявыми темным волосами, был одет в пижаму с мишками. Он не поднимал головы вообще, никаких звуков от него. Она тихонько вытащила из сумки яркие мягкие кубики и маленькое пианино. Настроив звук потише, положила игрушки поближе к малышу. Его ручка нащупала один из кубиков; мальчик с интересом взял его и начал вертеть в пальцах, разглядывая со всех сторон. Ей было жизненно важно установить с ним зрительный контакт. Наконец Анна увидела его лицо. Когда он слегка приподнял голову, стало заметно, что его глаза — точно такие же зеленые, как у отца, — вовсе не были пустыми. В этом взгляде читалась осознанность. «Значит, еще не все потеряно», — с улыбкой подумала она.

Малыш принялся рассматривать и другие кубики, тихо перебирая их и ни на кого не глядя. Вдруг раздалась мелодия — Анна осторожно нажимала на клавиши, пытаясь привлечь его внимание. Завороженный новой игрушкой, мальчик пододвинулся ближе. Она продолжала нажимать на разные клавиши, показывая, как инструмент устроен и как рождаются звуки. Когда Анна убрала руки, малыш сам потянулся к пианино. Анна осторожно присоединилась к нему, они уже вместе играли, вдруг ее рука накрыла его ручку, малыш замер, привыкал, не отталкивал, Аня же наблюдала за ним тихо, ее рука просто лежала на его руке, больше она не пыталась ничего сделать, так как знала один лишний шаг не туда и будет провал. Подождав еще секунд пять она убрала руку медленно без резких движений и продолжила дальше играть. Малыш также начал играть, теперь он свою руку положил на ее палец, и сжал его. Аня замерла, она тихо подняла свой зажатый палец, его схватка не ослабла, она потихоньку к нему подвинулась стала его потихоньку поднимать с пола чтобы он встал. Малыш встал и он оказался на уровне ее глаз, они смотрели друг другу в глаза в полной тишине, и тут Аня тихо произнесла:

— Можно я тебя обниму?

Малыш ничего не ответил естественно, только голову опустил ниже. Аня прижала его к себе, и стала гладить по спине приговаривая: «Все будет хорошо!» Малыш так и стоял завороженно, как будто обнимали его в первый раз в его жизни. Потом Аня посмотрела ему в глаза и четко произнесла:

— Игрушки теперь твои, можешь с ними играть сколько хочешь, даже спать с ними можно. Приятно было познакомится с тобой Марк, ты очень хороший мальчик, и я очень хочу с тобой дружить. На днях я приеду к тебе еще, хорошо.

Пока Анна тихо говорила, Марк так и не отпустил её палец — напротив, он чуть крепче сжал его и потянул в сторону своей комнаты. В этом жесте не было напора, только тихая уверенность: он хотел показать ей что-то важное.

Анна тихо выдохнула, и в этом выдохе смешалось всё: облегчение, осторожная радость и глубокое понимание — контакт пошёл. Не словами, не взглядом, а вот этим простым, упрямым движением детской руки.

Они вошли в комнату. Здесь был тот самый уютный беспорядок, который бывает там, где ребёнок не боится оставлять следы своего присутствия: игрушки лежали там, где их бросили, книги валялись веером, будто сами раскрылись, чтобы их прочитали. Комната была большой и светлой, и свет этот не резал глаза, а мягко ложился на вещи, делая их чуть добрее.

У одной стены стояла детская кровать, обложенная плюшевыми мишками — они сидели, будто караулили сон мальчика. Рядом примостился шкаф для одежды, простой и неброский.

У противоположной стены — стол и высокий стеллаж, плотно уставленный книгами: тут были и сказки, и книжки с большими картинками, и даже пара совсем тоненьких брошюр, которые, наверное, кто-то давал Марку «на пробу».

Марк потянул Анну вниз, за тот самый палец, который так и не выпустил, и они сели на ковёр — туда, где ворс был чуть примят от того, что здесь часто сидели. Мальчик отпустил её руку ровно настолько, чтобы дотянуться до одной книжки — толстой, с потрёпанными уголками, будто её уже много раз открывали и закрывали. Он протянул её Анне, не глядя прямо, но настойчиво, как будто эта книга была паролем, пропуском в его мир.

Анна поняла, что нужно делать. Она открыла книжку, нашла начало и начала читать тихим, ровным голосом — не спеша, не пытаясь развеселить или увлечь, просто позволяя словам звучать спокойно, как дождь стучит по крыше: не страшно, просто есть.

Марк слушал. Сначала он сидел, чуть наклонившись вперёд, будто каждое слово нужно было поймать, не дать ему улететь. Потом медленно, будто проверяя, безопасно ли, лёг на ковёр и осторожно положил голову ей на колени. Он не прижался всем телом, не искал отчаянного тепла — он просто позволил себе опереться. И, повернув голову чуть вбок, посмотрел на неё одним глазом, будто хотел убедиться: ты всё ещё тут?

Анна всё ещё была тут. Она читала, а свободной рукой, почти незаметно, едва касаясь, начала тихонько перебирать его кудряшки — не чтобы пригладить, а чтобы дать понять: ты не один, я рядом, всё спокойно. Это было не поглаживание, а тихий сигнал безопасности: я не тороплю, я просто здесь.

Через несколько минут голос Анны стал звучать тише — не потому что она устала, а потому что поняла: Марк уже не ловит слова. Его дыхание стало ровным, глубоким, а веки медленно опустились. И вскоре она услышала тихое, мерное сопение — мальчик уснул.

Она отложила книжку в сторону, аккуратно, чтобы не задеть его, не потревожить этот хрупкий сон. И стала просто сидеть, продолжая тихонько гладить его по голове, чувствуя под пальцами мягкие завитки. В комнате становилось светлее от вечернего солнца, тени ложились на пол, и всё вокруг будто замирало, чтобы не спугнуть этот момент.

За дверью кто-то тихо прошёл — может, Надежда Викторовна проверяла, всё ли в порядке, может, кто-то из помощниц. Но Анна не обернулась. Ей не хотелось ни с кем говорить, не хотелось ничего объяснять. Сейчас было важно только одно: Марк уснул, прижавшись к её коленям, и во сне его плечи наконец расслабились, будто он поверил, что здесь можно не быть настороже.

И Анна сидела, не шевелясь, боясь спугнуть это доверие, и думала о том, как мало нужно ребёнку, чтобы почувствовать себя в безопасности: тихий голос, мягкая ткань ковра под ладонями, тёплые пальцы, которые не тянут, не дёргают, а просто лежат рядом. И ещё — кто-то, кто не торопит, не требует, а готов просто посидеть и почитать сказку, пока мир не станет чуть спокойнее.

Всё это время в дверях комнаты тихо стояли Кирилл и Олеся. Они не решались войти, будто боялись одним неосторожным шагом разрушить эту хрупкую тишину. Олеся прижимала ладонь к груди, будто хотела удержать сердце, которое колотилось слишком громко. А Кирилл… он просто стоял, не моргая, и смотрел так, словно боялся, что если хоть на секунду отведёт взгляд — всё исчезнет, растворится, как сон поутру.

Он не мог поверить. Его сын — тот самый мальчик, который отталкивал всех нянь, который прятался в углу и не поднимал глаз даже на отца, — с первого раза пошёл на контакт. Не просто позволил быть рядом, а сам потянул Анну за палец, сам прижался к её коленям, сам уснул, доверившись чужому голосу, чужим рукам. И всё это случилось так тихо, так естественно, без криков, без уговоров, без бесконечных попыток «достучаться». От этой лёгкости у Кирилла внутри всё переворачивалось: получалось, проблема была не в Марке, а в том, как с ним пытались обращаться.

Когда Марк уснул, Кирилл невольно шагнул вперёд, готовый помочь — хотя бы просто переложить сына на кровать, укрыть одеялом, сделать хоть что-то, чтобы почувствовать себя нужным в этом моменте. Но Анна тихо подняла руку — не властно, а мягко, останавливая не как подчинённого, а как человека, которому хочется помочь не ошибиться.

— Дайте мне, — шёпотом сказала она. — Он только-только уснул. Если сейчас его резко тронуть, он может проснуться и снова закрыться.

Кирилл замер, кивнул, будто даже кивок мог прозвучать слишком громко.

Анна наклонилась, аккуратно, будто держала в руках что-то бесконечно ценное, взяла Марка на руки. Мальчик был лёгким — слишком лёгким, от этой худобы у Анны на секунду сжалось сердце, но она не позволила эмоциям отразиться на лице. Она бережно отнесла его к кровати, осторожно уложила, поправила подушку, чтобы шея лежала ровно, а потом укрыла одеялом — не туго, не как коконом, а так, чтобы он чувствовал тепло, но мог свободно пошевелиться, если во сне ему станет неспокойно.

Она постояла рядом ещё несколько секунд, прислушиваясь к его дыханию, убедилась, что сон держится крепко, и только тогда тихо вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

В гостиной она быстро огляделась, будто знала, что нужно сделать прямо сейчас, пока этот момент не остыл. Взяла свои кубики и пианино, принесла в детскую и один мягкий кубик — самый простой, без надписей, с приятной на ощупь тканью — осторожно подложила его прямо рядом с подушкой. Пусть утром, едва проснувшись, он увидит что-то знакомое, приятное, то, к чему можно сразу прикоснуться и почувствовать: тут безопасно.

На столе она оставила пианино — маленькое, с тихим, не резким звуком. Не чтобы он сразу начал играть, а чтобы оно просто было: как намёк, что здесь можно издавать звуки, можно нажимать клавиши, и никто не поморщится, никто не скажет «тише».

Закончив, Анна ещё раз посмотрела на Марка. Его лицо во сне стало совсем детским, без той напряжённой настороженности, которая не сходила с него днём. Кудряшки чуть растрепались, уголок одеяла сбился, но она не стала поправлять — пусть будет не идеально, а по-настоящему.

И только теперь она повернулась к двери, где всё ещё стояли Кирилл и Олеся, оба будто примерзшие к полу, не в силах подобрать слова.

Анна подошла к ним, не спеша, и тихо сказала:

— Он уснул не потому, что я какая-то особенная. Он уснул, потому что ему стало спокойно. А спокойствие — это не про магию. Это про то, чтобы не торопить, не дёргать, не требовать. Про то, чтобы дать ему понять: ты важен, даже когда ты просто сидишь и трогаешь ковёр.

Кирилл сглотнул, будто слова застряли где-то в горле.

— Я… я даже не знал, что можно вот так, — прошептал он. — Я всё время думал, что надо что-то делать. Исправлять. Добиваться. А оказалось, надо просто… быть рядом.

— Быть рядом — это тоже работа, — мягко сказала Анна. — И она не легче любой другой. Но она самая важная.

Анна посмотрела на закрытую дверь, за которой ровно дышал во сне Марк, и улыбнулась — не широко, а так, что улыбка получилась тихой, почти незаметной, но от этого ещё более настоящей.

— Теперь мы будем делать самое сложное, — сказала она. — Мы будем не торопиться. Будем замечать маленькие вещи: когда он потянется за кубиком, когда посмотрит на вас чуть дольше, чем обычно, когда сам подойдёт к столу. И будем радоваться этим крохам, потому что из них и собирается доверие.

Кирилл кивнул. В его глазах было столько вины, столько растерянности и одновременно надежды, что Анне захотелось сказать ему что-то очень простое, но самое нужное: «Вы хороший отец. Просто вы только учитесь быть отцом именно этому мальчику». Но она не стала

говорить этого вслух — не потому что не хотела, а потому что такие вещи лучше доходят не от чужих слов, а от собственных поступков.

Вместо этого она тихо добавила:

— Сегодня он уснул. Это уже победа. А завтра мы посмотрим, что будет завтра.

ГЛАВА 4

— Ну ты даешь, подружка!!! Я в шоке! Ты просто какой-то гений психологии!!! – все это громко проговорила Олеся, когда они поднялись наверх и расположились в гостиной.

Анна же пропустила ее слова мимо ушей, так как была занята своими мыслями, она уже продумывала свой план по дальнейшей тактике с ребенком, хотя она вслух и не сказала Кириллу Да, но в глубине души уже приняла решение. Девушка так глубоко задумалась, что только громкий хлопок перед ее лицом вывел ее из этого состояния. Она очнулась, и увидела перед собой довольную Юльку:

- Вот видите, я же говорила, что няню можно только так вывести из этого состояния, я же знаю. Нянь пошли в мою комнату покажу тебе то что уже собрала.

А Аня смотрела на свою крестницу и не могла еще отойти от встречи с Марком. Перед глазами стоял он. На помощь пришел Кирилл как ни странно:

— Анна Николаевна можно с вами поговорить лично в кабинете? Обсудить все условия.

Олеся тут же вскочила с дивана, вцепилась за локоть Кирилла произнесла:

— Я с вами! У нас не должно быть никаких секретов между нами всеми!

Кирилл же отцепил пальцы девушки от своей конечности, сказал:

— Прости, дорогая, но это уже рабочие вопросы. Ты не должна туда лезть, даже если Анна – твоя подруга.

Вот тут Кирилл проявил твердость, у него даже взгляд стал другим, жестким каким-то. Аня аж удивилась немного такой перемене: с добряка до хищника. Хотя с другой стороны добряк не смог бы стать миллионером и собрать капитал, для этого нужны совершенно другие черты характера. И эти черты Аня увидела сейчас. Да таким мужчиной не получится вертеть, наконец-то ее подружке попался нужный экземпляр, который сможет опустить Олесю на землю немного.

— Ну ладно, мы с Юлькой пойдем пока поиграем, а вы решайте свои рабочие вопросы. – Обиженно произнесла Олеся. На что Кирилл только усмехнулся.

Аня увидела, что на этого парня манипуляции ее подруги не действуют совершенно. Кто кого строит – ясно с первого взгляда. Девушке стало аж смешно, на что сразу же прилетел вопрос:

— Над чем смеетесь Анна Николаевна можно узнать?

Девушка аж подпрыгнула на месте, так как вопрос прозвучал прямо над ее ухом, он стоял за ее спиной, когда успел подойти незаметно непонятно. Она обернулась назад и сказала:

— Да так о своем задумалась. Ну что пойдемте в ваш кабинет решать наши вопросы. У меня к вам очень много вопросов знаете ли.

Уже в кабинете, расположившись в кресле напротив хозяина кабинета, Анна спросила у него:

— Кстати как вас величать по Отчеству? Давайте договоримся сразу на берегу, что у нас с вами чисто деловые отношения несмотря на то что мы с Олесей являемся подругами. На «Ты» переходить не будем. На людях в общей компании будем обращаться друг к другу по именам и на вы.

Кирилл немного обалдел от такого напора, то есть он понял что перед ним сидит непростая женщина. С виду и по словам Олеси, Анна добрая и пушистая, но это только первое впечатление такое, зубки эта добрая душа имеет. Кирилл молча протянул ей свою визитку через стол, она взяла и прочитала: «РосСтройХолдинг. Генеральный директор Волков Кирилл Андреевич.

— Спасибо. А теперь Кирилл Андреевич покажите все мед документы, что у вас есть на ребенка. Хочу посмотреть на каком основании Марку поставили такой диагноз.

— А что-то не так Анна Николаевна? – с некоторым беспокойством спросил мужчина, вытаскивая из сейфа документы.

Анна же заметила на журнальном столе папку со своим именем Нечаева Анна Николаевна. Интересно, он собирал значит на нее данные, становится все интереснее. Кабинет был большой и просторный: в центре у окна стол большой рабочий стол из дуба, на столе минимализм: ноутбук, подставка с ручками, лоток для документов и принтер. Они же расположились на другой стороне кабинета где стояли два кресла друг против друга и журнальный круглый стол между ними.

— Все так! Просто хочу убедиться правильно поставили вам диагноз и самое главное кто. Не хочу вас обнадеживать пока, мне нужно некоторые тесты с Марком еще провести, чтобы сложилась вся картина.

Кирилл принес документы Анне, та стала их изучать, нацепив на себя очки. Он же взял свой ноутбук и стал в нем что-то печатать. Так они и сидели минут 20, каждый занятый своим делом.

— Так ну в целом мне все понятно. Вы обратились в самую известную частную клинику в городе, рассчитывая что если частная и известная, то и специалисты там соответствующие. Так ведь? – строго спросила Анна.

Кирилл аж замер от такого вопроса, с неожиданной стороны конечно она зашла, в этих очках девушка была похожа на доктора. Ах да она же и есть психолог-педагог высшей категории. Он постоянно об этом забывал, так как позиционировала она себя только няней.

— Мне порекомендовали это учреждение, поэтому и пошли туда. Все специалисты при прохождении осмотра показались мне квалифицированными и внимательными.

— Еще бы! За такие деньги они вам жопу должны целовать! – с возмущением произнесла Анна.

Кирилл еще раз с интересом посмотрел на Анну, с каждым часом она становилась все интереснее и интереснее.

Анна же заметила что он за ней наблюдает, но не подала вида. Она знала что производит первое впечатление на людей одно, но потом выходит другое. И с этим она ничем не могла поделать, так как ее внешность портила все впечатление. Выглядела она такой круглой, маленькой елочкой с добрыми глазами и люди не воспринимали ее всерьез. Но потом уже в общении с ней они понимали что перед ними совершенно другой человек.

— В чем проблема этого учреждения? – раздраженно спросил он.

— Проблема не в самом учреждении, там есть действительно хорошие специалисты, но есть там совершенно некомпетентный главный врач с липовым дипломом психиатра. И поэтому я не верю поставленному диагнозу вашему сыну.

— А доказательства у вас есть что данный субъект некомпетентный?

— Да есть. Во-первых я с ней знакома лично, она еще будучи просто доктором в обычной поликлинике много лет назад мне поставила диагноз Синдром Дауна. Да перед вами сидит не только человек с ДЦП но и с синдромом Дауна.

И они оба рассмеялись в голос. Кирилл ржал в голос, ему реально было смешно, только сейчас он понял какую ошибку совершил и кому доверил своего ребенка. Анна же смеялась тихо, ей было грустно и смешно. Тот же врач чуть не поломал еще одну маленькую судьбу.

— И во-вторых, у меня есть несколько детей с опроверженными диагнозами после нее. Сначала эти дети попадали ко мне, я их осматривала, проводила тесты с ними, потом отправляла уже к другим специалистам для установления правильного диагноза. В этом деле вообще нельзя ориентироваться только на одного специалиста, понимаете. Ребенка должны проверить несколько разных учреждений для полной установки диагноза.

Кирилл сидел немного пришибленный.

— Могу вам сказать только одно, что у вашего сына не так все плохо как написано в этих документах. Советую вообще их сжечь, пустой мусор, либо сохранить для судебных тяжб, чтобы хотя бы за моральный ущерб заплатили. Мне нужно провести еще несколько тестов с Марком, чтобы понять всю картину. Также мне нужно чтобы вы узнали у своей бывшей в каких условиях рос ребенок, если у вас с ней не очень хорошие отношения, то обратитесь к ее ближайшему окружению: родители, соседи, подруги – они все по любому что то да и знают. И вообще как так вышло что вы не знали о ребенке так долго?

— Я когда разводился с женой 5 лет назад, мы не знали оба что она уже беременная была на тот момент. И не смотрите на меня так, да как только ребенок ко мне поступил, я сразу же сделал днк тест, это мой сын. Но дело не в этом короче. Разводились мы из за ее загула с другим, и когда она узнала что беременна, то решила что это ребенок его, а не мой. Вот поэтому я о нем и не знал ничего вообще, тем более мы с ней расстались очень плохо. После развода вообще не слышал о ней ничего и не хотел слышать.

— Понятно. Вообщем даю вам задание на неделю – узнать все о вашем сыне, как он рос, в каких условиях, кто его воспитывал. Мне кажется что тут история очень нечистая и грязная. И прошу вас очень никого не убивать когда все-таки что-то подтвердится нехорошее. Дада, и не смотрите на меня так, я уже вижу как вы злитесь, расслабьтесь, сделайте большой вздох и выдох, а то оторвете сейчас подлокотник.

Кирилл расслабился, закрыл глаза, сделал все как она сказала. Вроде отпустило. Он даже представить себе не мог что дело может быть в другом совершенно. И тут в кабинет влетела Юля в пижаме, запрыгнула на колени к Анне и затараторила:

— Няня, а ты останешься у нас сегодня? Ведь уже ночь за окном. И еще ты со мной не поиграла сегодня.

Анна и не заметила что уже столько времени прошло, посмотрела на часы, почти 23 ночи.

— Так дамочка, а ты почему в такое время ночи еще не спишь? ААА? Ругаться буду. Иди спать. А я приеду через неделю уже и останусь у вас на некоторое время жить.

На эти слова девочка слетела с ее колен и закружилась по комнате:

— Ура!!! Няня будет жить с нами!!!

И убежала.

— Я так понимаю вы согласны на мое предложение быть няней для Марка? – заинтересованно спросил Кирилл у Анны.

— Об этом давайте поговорим через неделю. Чтобы у вас жить, мне нужно в городе закончить свои дела и отменить некоторую работу в других семьях. Вы как раз за эту неделю соберете всю информацию о малыше. На меня же вы тоже собрали досье так ведь. Да ничего, все ок, я не обижаюсь, все понимаю и мне скрывать нечего. Через неделю к вам приеду с вещами и там уже все обговорим и условия и время.

— Хорошо договорились. С вами очень приятно иметь дело. Все четко и ясно. Может все таки останетесь у нас на ночь и поедете утром?

— Нет. Спасибо за предложение, но мне нужно домой. У меня столько впечатлений за этот день, что их надо переварить в родных стенах дома.

— Хорошо. Вызову для вас водителя тогда. Отвезет вас домой в целости и сохранности.

ГЛАВА 5

Всю неделю Аня занималась своими делами: собирала вещи, отменяла все встречи, которые были запланированы у нее задолго за месяцы, пришлось долго извиняться. В соц сети она просто всем объявила, что уезжает в долгую командировку и ее не будет тут какое-то время. Да Анна вела свой блог, где рассказывала о своей работе с детьми, некоторые дети уже стали героями ее блога. Прежде чем показывать какого-то ребенка публично, она всегда спрашивала разрешения у родителей. И большинство были согласны, мамочкам наоборот было в какой-то мере удобно так наблюдать за своими детьми, так как няня выкладывала почти каждый их шаг. Конечно были такие мамочки, которые были против показа своих детей, своей квартиры и имущества. Анна к этому относилась с пониманием и никого не осуждала. Собственно благодаря своему блогу она и стала популярна среди мамочек в городе. Ее находили именно через блог, либо сарафанное радио.

Перед тем как уйти от своей подруги, Анна оставила список того как вести себя с Марком:

1. Не принуждать его к чему-либо. Исключить вообще какое-либо насилие над ребенком.

2. Говорить ему каждый день хорошие слова, Кириллу, как папе говорить о любви к малышу.

3. Если что-то Марк сделал какую-то провинность сильно не ругать и не кричать, просто на уровне его глаз сесть и спокойным успокаивающим голосом объяснить что так нельзя делать и почему.

4. Надежде Викторовне приготавливать полноценное детское меню, и стараться на тарелке всю еду красиво и весело положить, чтобы вызвать интерес у ребенка к еде. При этом исключить из рациона конфеты, шоколадки и мармелад. Периодически в детской оставлять тарелку фруктов (средне нарезазыных, либо формочками сделать фигурки из фруктов).

5. Гулять с ребенком каждый день по 5-10 минут хотя бы на детской площадке под присмотром взрослого, одного не оставлять.

6. Разговаривать с Марком спокойно, негромко. В его присутствии не делать резких движений, не пугать малыша.

7. Олесе и Юле постараться подружиться с мальчиком, хотя бы попытаться.

8. Обязательно соблюдать детский режим, дневной сон обязателен.

9. Играть с мальчиком в спокойные игры, не оставляйте его одного, лаже если вам кажется что ему и без вас хорошо.

10. Самое главное не молчите в его присутствии, пусть ребенок слышит речь вокруг себя. И сами ему тихим голосом что-нибудь рассказывайте.

И на след день по этому списку все начали звонить Анне за более подробными пояснениями, в основном звонили Кирилл и Надежда Викторовна. Кирилл по каждому пункту потребовал разъяснение: зачем и почему. А Надежда Викторовна консультировалась с ней по поводу меню каждый день, так под конец недели женщины подружились. Олеся позвонила только на третий день и с истерикой в голосе сказала так:

— Этот маленький засранец не хочет с нами дружить. Убегает от нас, отталкивает. Я умываю руки, не буду к нему лезть вообще.

— Во-первых, не называй его засранцем, он просто немного пришибленный ребенок. Во-вторых, что значит ты умываешь руки? Если ты собралась замуж за Кирилла, то ты должна принять его ребенка таким какой он есть, то есть после свадьбы вместе с мужем его воспитывать. Тут ты ну никак не смоешься от этой ответственности, моя дорогая!

— Я все уже продумала, подружка. Воспитывать будешь ты как его няня, а мы с Кириллом просто рядом будем и все.

От этих слов Аня аж задохнулась от такой наглости и с возмущением ей ответила:

— Ты в курсе что няня это не на всю его жизнь, максимум 5 лет в его случае?

— Ну, потом в школу его отдадим на целый день которая, куда Юлю я собираюсь тоже отдать через пару лет.

Вообщем, тогда в этом разговоре подружки чуть не поссорились. Так как Анна никак не могла принять позицию Олеси, для нее она была неприемлемая вообще. Ребенком должны заниматься именно родители, няня только дополнительная помощь. Она решила что поговорит с обоими сразу когда приедет к ним. Без этого серьезного разговора никак не обойтись. Разговор состоится тогда, когда она поймет что случилось с этим ребенком, были у нее большие подозрения, что тут проблема больше внешняя, чем внутренняя. Поэтому она с нетерпением ждала окончания расследования Кирилла.

Кирилл на следующий день после визита няни, позвонил своей бывшей жене, спросил почему так получилось что ребенок такой тощий и не разговаривает вообще. На что его жена выбрала позицию нападения: мол она не виновата, это все в садике с ним так обращались, мальчик был капризный, приходилось часто в угол ставить. Тощий, потому что конституция у него такая просто, будет худым. После этих слов Кирилл понял, что его бывшая совсем куку, даже не попрощался с ней, просто сбросил вызов. Он тут же позвонил нужному человеку, обрисовал всю ситуацию с его сыном и дал задание все узнать у ее окружения как жил ребенок раньше. И попросил информацию ему предоставить после полного расследования, а не частями.

Сам же Кирилл всю неделю выполнял поручения няни по списку. Через день ей звонил и спрашивал по какому-либо пункту из списка, так как это был его первый ребенок, в детях не понимал ничего. И параллельно рассказывал Анне все о ребенке.

Так Кирилл узнал, что:

1. Исключить любое насилие над ребенком. Это значит что есть подозрение что с ребенком обращались не очень хорошо, поэтому он и не разговаривает, он всех боится, уровень эмпатии на нуле.

2. Скорее всего Марку редко говорили хорошие слова, поэтому ему надо восполнить этот пустой сундучок в его сердце, говоря какой он хороший мальчик. Говорить ему перед сном как папа его любит. И по вечерам обязательно проводить с сыном время в детской: читать книги, что то ему показывать новое и рассказывать. Так малыш побыстрее поймет что вы ему ничего страшного не сделаете, что вы его папа и вы его любите.

3. За любые проступки сильно не ругать, не кричать. Если его совсем не ругать за провинности, то это уже будет другая крайность. Ребенок должен понимать, что такое плохо и хорошо. Поэтому не позволяйте ему многого, можно так разбаловать совсем и будет другая уже история. Обязательно ему объясните, что так делать нельзя и почему нельзя. А то большинство родителей просто говорят нельзя и все. Так ребенок не поймет причинно-следственной связи. Если вы говорите Нельзя, то должны объяснить почему нельзя. Например, ваш сын что то уронил и разбил, вы ему спокойным голосом говорите, что нужно быть аккуратным с вещами, их нельзя ронять и рассказывайте ему какие вещи можно бросать, а какие нельзя и почему. Потому что некоторые вещи хрупкие и они легко разбиваются. А есть вещи которые можно бросать и с ними ничего не случится, такие как твои мягкие игрушки, подушки и т.п.и т.д.

4. Ваш сын очень тощий, и это не его конституция тела, его недокормили будем так говорить. Вы говорите, что он ничего не ест и заставлять насильно вы его не хотите. Правильно насильно не надо. Просто подавайте ему еду необычно и весело. Не вы клоуном должны быть, а еда должна выглядеть на тарелке весело. У Марка должен проснуться интерес к еде. Я Надежде Викторовне уже все выслала и объяснила. И да не заставляйте его доедать, сколько съел столько и съел. Наше главное правило сейчас – не заставлять.

5. Свежий воздух очень важен любому малышу, а вашему сыну жизненно необходим. Поэтому выходите с ним гулять в любое время дня, если ему понравится гулять, то можете прогулки на данном этапе времени сделать как поощрение. Например, говорите ему: Вот съешь всю тарелку каши и мы пойдем сразу гулять. Да эта маленькая манипуляция, но такая хитрость сейчас ему жизненно необходима. Потом мы плавно все хитрости уберем и все будет происходить само собой как у всех нас обычных людей.

6. Всегда разговаривайте с ним спокойно и негромко. Не кричать. Если вы вдруг выясняете с кем то отношения то делайте это пожалуйста от мальчика как можно дальше, чтобы он не слышал. Сейчас его надо оградить от криков и резких движений. И ни в коем случае не пугайте его. Передайте Юле чтобы она так с ним не делала. Ребенок может замкнуться в себе еще больше.

7. Ваша будущая жена и ее дочь должны с вашим сыном подружиться. Это я вам не должна объяснять почему и зачем, вы сами понимаете.

8. Соблюдайте режим дня для его полноценного развития. Обязательно днем укладывайте его спать. Если сейчас не получается у вас это сделать, то ничего страшного, приеду и мы с ним этот режим наладим.

9. Пока не играйте с ним в шумные игры. Лучше в спокойные, книги, солдатики, игрушки на полу. Его нужно сначала адаптироваться полностью в вашем доме, чтобы чувствовать что это его дом, у него должно появиться чувство безопасности в этом доме. Вот только после этого можно и пошуметь немного.

10. Марка нужно разговорить. У меня сложилось такое впечатление, что с ним мало разговаривали, что он часто оставался один. Поэтому если у вас есть возможность такая сделайте в вашем кабинете детский уголок, где он мог бы сидеть и играться пока вы работаете там. Вы же ведете телефонные переговоры, вот он будет слышать речь. Он сейчас пока маленький и особо не поймет ничего из ваших переговоров, так что не выдаст ваши тайны. И вообще чем больше вы будете проводить с сыном времени, тем быстрее Марк к вам привыкнет и не будет бояться вас. Окружить мальчика своей любовью и болтовней вокруг.

Вот такие рекомендации Кирилл получил от своей будущей няни в течение недели. С большим нетерпением он ждал ее приезда.

ГЛАВА 6

Анна приехала с небольшим чемоданом и сумкой. Встречали ее все и хозяева и домашний персонал. С Надеждой Викторовной они даже обнялись тепло. Домработница сразу же познакомила ее с двумя молодыми девушками, которые помогали с уборкой по дому, так как дом был просто огромный, одна домработница не справилась бы. Это оказались ее племянницы Елена и Виктория. Также был садовник Семен Васильевич по совместительству муж Надежды Викторовны. Девушка пошутила потом что в этом доме какой-то семейный подряд, на что все рассмеялись. Охрана была только отдельно. Всего в доме жило 6 дюжих парней: Вячеслав, Константин, Алексей, Дмитрий, Николай и Никита. Это была личная охрана Кирилла, которая сопровождала его везде вне дома, но в самом доме он все равно оставлял двух парней на всякий случай. У них даже был свой график смены.

Потом уже Анна узнала у Кирилла, зачем ему столько охраны, на что тот сказал, что были уже случаи нападения на него, конкуренты пытались его устранить, и поэтому он переехал в глушь год назад, хотя в городе у него есть две квартиры. Вот в одну из квартир Олеся и хотела переехать оказывается, ей не нравилось жить в лесу совершенно и она потихоньку обрабатывала своего парня насчет переезда в город.

Юльке наконец-то довелось показать Анне свою комнату, и девушка оказалась в личных апартаментах пары на третьем этаже, это если с нижним этажом считать. Наверху была небольшая гостиная и она не пыталась казаться идеальной. На спинке кресла висела небрежно наброшенная куртка, на журнальном столике рядом с чашкой остывшего кофе лежали раскрытые тетради и пара ручек. Диван был завален подушками и пледом, который явно использовали не для красоты, а чтобы не мёрзнуть вечерами. На полках теснились книги, коробки с настольными играми, сувениры из поездок и старые фотографии в разномастных рамках. На фотографиях были изображены Леся с Юлей, на некоторых и Кирилл присутствовал.

Потом шли три комнаты: детская, спальня и гостевая комната. Девочке очень нетерпелось показать свою комнату, по дороге сюда она так и говорила:

— Няня ты офигеешь от моей комнаты, там так классно и красиво, мне ее дядя Кирилл обустроил по всем моим пожеланиям, вот увидишь какая она крутая.

И точно, как только девочка открыла дверь, Анна застыла на пороге изумленная.

Комната была будто создана для бесконечных историй — в ней всё приглашает строить, придумывать и тут же разыгрывать новые сюжеты.

Солнечный свет мягко ложился на светложёлтые стены, и казалось, что даже тени здесь какието весёлые. У окна стояла небольшая кровать с покрывалом, на котором разноцветные квадратики напоминали детали конструктора. Рядом — низкий белый стеллаж, и почти все его полки были заняты не игрушками вперемешку, а аккуратно рассортированными контейнерами: на каждом — яркая наклейка: «красные кирпичики», «пластины», «окна и двери», «фигурки». Только верхняя полка была «не по правилам»: там громоздилась целая коллекция самодельных построек — от крошечного домика до башни, которая, по замыслу хозяйки, должна была доставать до облаков.

В центре комнаты лежал пушистый ковёр цвета мятной конфеты, и именно здесь разворачивалась главная стройка дня. Прямо на нём возвышался наполовину собранный город: несколько зданий разной высоты, мостик из прозрачных деталей и даже маленькая станция с рельсами, где замерли два легопоезда. По краям ковра валялись плоские строительные пластины — как фундаменты для будущих кварталов.

У стены примостился небольшой столик с закруглёнными углами. На нём лежала раскрытая инструкция к новому набору, исчерканная цветными карандашами: девочка дорисовывала к готовым моделям свои детали — балконы, антенны, лестницы, уходящие в никуда. Рядом

стояла коробка с фигурками: тут были и строители, и дракон, и семья из четырёх человечков, и даже одинокий астронавт, который по особым дням становился главным героем экспедиций.

Над столом висела пробковая доска, вся в приколотых рисунках и фотографиях: вот девочка рядом с почти двухметровой башней из лего, вот схема «самого крепкого моста», нарисованная дрожащими от волнения линиями. В углу притаился низкий шкафчик с дверцами, расписанными маркером: на одной — солнце, на другой — ракета; внутри хранились альбомы с наклейками, книжки про замки и коробки с самыми любимыми наборами, которые доставали только по выходным.

Возле двери стояла корзина, но она редко бывала полной: детали не любили сидеть на месте. Зато на полу, прямо у порога, лежала специальная мягкая подложка — на случай, если нога всётаки наткнётся на одинокий кирпичик: даже в этой комнате законы физики требовали уважения.

Пахло деревом от мебели, немного пластиком и ещё чемто неуловимо детским — будто в воздухе витал сам дух придумывания. И стоило только девочке войти, как комната будто подсказывала: «Сегодня можно построить целый мир».

— Вау!!!! Обалдеть!!!! Я в шоке! – Анна проговорила это на одном дыхании, и осторожно вошла в комнату, озираясь по сторонам, все рассматривая. Девочка же влетела в свое пространство легко и весело, подхватила няню за руку, заставляя ту сесть на ковер где был построен целый город.

— Нянь, вот смотри твой подарок я уже построила, тут его расположила.

И точно Домик с куклами расположился ровно посередине этого города.

— Вау! Юлька это самая лучшая комната что я видела в своей жизни. Все предусмотрено для твоих конструкторов. Ты точно будущий архитектор однозначно.

— Я ей тоже говорю, что с такими задатками строительства ей в архитекторы идти надо! Но ее мать и ваша подруга Олеся против этой затеи, она хочет дочь сослать за границу учиться.- войдя в комнату сказал Кирилл.

— Ну заграницу на архитектора! – обернулась на него Анна, и оба тут же рассмеялись.

Кирилл еще в прошлый раз заметил эту их взаимную особенность понимать друг друга без слов, разговаривая только глазами. Давно он не встречал такого взаимопонимания.

— Кирилл Андреевич, это очень шикарная комната, у меня нет слов. Аж начала завидовать своей крестнице. Спасибо вам большое, учли все ее пожелания.

— Спасибо Анна Николаевна за оценку моего труда, вот ваша подруга как-то не оценила. Устроила мне мини скандал, сказав что иду на поводу девочки, кстати наконец-то я понял ее фразу: «Ты прямо как Анька, постоянно балуете мою дочь с этим ЛЕГО, она тоже говорит поставь стеллаж для готовых построек и делов то». Вот теперь мне ясно кто это говорил.

Девушка рассмеялась на его слова.

— Но знаете то что я увидела здесь намного лучше простого стеллажа. И надеюсь для своего сына вы тоже создадите шедевр из его комнаты, когда мы его приведем в чувство, когда узнаем, чем дышит ваш мальчик. Раз заговорили о нем, то ведите меня к нему, уже соскучилась по нему.

— А я!!Няня ты обещала со мной поиграть!!!- обиженно крикнула девочка.

— Милая, у нас с тобой впереди столько времени еще, успеем поиграть еще. Я же в ближайшее время никуда от вас не денусь. Не обижайся малышка! Но мне нужно очень очень сейчас встретить Марка.

— Зачем тебе его встречать??? Он же дурак!!!

— Эй! Кто тебе такое сказал а??? – села на колени Анна, чтобы видеть глаза девочки. – Он не дурак! Он просто немного потерялся в этом мире. Для него все незнакомо и он боится страшно. Юля кто так сказал, скажи мне пожалуйста, ты же знаешь я ругаться не буду.

Девочка опустила глаза и тихо произнесла:

— Мама!

И тут в комнату влетает Олеся, хватает девочку за руку и пытается увести с собой говоря:

— Ты не так поняла, дочь. Я не так говорила! Аня я ей не так говорила, она не так меня поняла.

Анна смотрела на подругу свою, и не узнавала как будто, по глазам она поняла что именно так она и говорила. Взглянула на Кирилла, тот стоял у окна, весь напряженный, руки сжаты в кулаки. Он обернулся на Олесю и тихо сказал:

— Олеся вечером поговорим. А сейчас будь добра не мешай нам с Анной Николаевной, мы будем в кабинете решать наши вопросы.

Уже в кабинете, расположившись в кресле, напротив нового детского уголка, Анна тихо извинилась за подругу. На что Кирилл ей ответил, что извиняться ей незачем, не она же так сказала. Вообщем они оба негласно решили на эту тему больше не разговаривать.

Детский уголок вышел на славу. Он разместился в дальнем углу у окна, где дневной свет был мягче. Там стоял небольшой столик из светлого бука — он казался почти игрушечным рядом с массивным рабочим столом бизнесмена, но был сделан на совесть: без острых углов, с закруглёнными краями и устойчивой столешницей. На нём лежали листы плотной бумаги, коробка цветных карандашей с аккуратно заточенными грифелями и стопка альбомов — всё разложено так, чтобы ребёнок мог дотянуться, но ничего не рассыпалось от неловкого движения. Рядом примостился миниатюрный мольберт: на нём сейчас висел рисунок — яркие домики, солнце с лучами-зигзагами и крошечная фигурка взрослого, крепко держащая за руку маленькую фигурку.

Возле столика стоял детский стул с ортопедической спинкой, обитый тканью спокойного мятного оттенка. Он был чуть ниже, чем нужно, и под него кто-то заботливо подложил деревянную подставку, чтобы ноги ребёнка уверенно стояли на опоре. Тут же, на полу, лежал коврик с крупным геометрическим узором — не пушистый, а плотный, практичный: на нём удобно было сидеть, собирать конструктор или раскладывать фигурки.

Вдоль стены тянулась невысокая полка, разделённая на секции. В одних стояли книги с крупными буквами и плотными страницами, в других — коробки с пазлами и настольными играми, рассчитанными на короткие партии. Отдельно, в прозрачном контейнере, хранились детали конструктора: не россыпью, а по наборам, с наклейками, чтобы можно было быстро найти нужное.

Анне очень понравился этот уголок.

— У вас талант Кирилл Андреевич так пространства заполнять. Задание про детский уголок выполнено на все 5. Я вами горжусь, вы большой молодец.

Анна все это сказала на одних эмоциях, поэтому когда подняла глаза на мужчину, то увидела немного ошарашенный взгляд, устремленный на нее. Кирилл такие слова в последний раз слышал в глубоком детстве от своей горячо любимой матушки.

— Ой! Извините пожалуйста, вырвалось как-то случайно. Я просто привыкла так с детьми разговаривать. Вот и не удержалась. Но вы реально молодец! – с улыбкой произнесла девушка.

— Я одно только прошу, при других не хвалите меня так, а то честный народ не поймет.

— Хорошо, договорились. А есть еще за что вас хвалить?

— Есть! Ваше задание все узнать о мальчике выполнено. Только вот не понравится вам то что там нашли. В целом вы оказались правы: ребенком толком не занимались, в основном он находился один в комнате, толком не кормили нормально. Его ненормальная мамаша оказывается подсела на наркотики и сыном не занималась.

— Так стоп!!!! Я поняла! Давайте все неприятное оставим на вечер, после того как уложим спать Марка, я посмотрю все документы. А сейчас давайте пойдем к нему, хочу глянуть прогресс за эту неделю.

ГЛАВА 7

А прогресс был очень большой. Кирилл и Надежда Викторовна очень серьезно восприняли список рекомендаций.

Неделя прошла не как череда дней, а как медленное, осторожное пробуждение. Марк менялся не рывками, а крошечными шагами — такими, что, если не присматриваться, можно было и не заметить. Но папа замечал.

Где-то в середине недели Марк по-прежнему держался у стены, будто она была его щитом. Он не смотрел в глаза, но уже не прятал лицо в плечо. Когда папа сел на пол рядом и тихо сказал: «Ты хороший мальчик, Марк. Я тебя люблю», Марк не вздрогнул. Он просто посидел, прислушиваясь к голосу, как будто проверял: звучит ли он так же спокойно, как вчера? За ужином он не доел кашу, но не оттолкнул тарелку и не закрыл уши руками, когда папа спокойно объяснил: «Каша тёплая, она даёт силы. Съешь столько, сколько хочется». На прогулке Марк вцепился в папину руку так крепко, что побелели костяшки, но всё же вышел из дома. И когда ветер качнул ветку, он не прижался к стене, а только чуть сильнее сжал пальцы.

Как-то раз утром Марк уронил чашку — она не разбилась, но громко звякнула. В прошлый раз после такого звука он бы замер и перестал дышать. Теперь он замер на секунду, а потом поднял глаза на папу. Папа не закричал. Он тихо сказал: «Чашки хрупкие, их нужно держать аккуратно. А вот машинку можно бросать — она крепкая». Марк медленно кивнул, будто укладывал это правило в голове. Потом сам поставил чашку на место — не швырнул, а положил. Днём он долго смотрел на тарелку, где каша была выложена в форме круга, а сверху лежали две изюминки — как глазки. И съел три ложки. Не потому что заставили, а потому что стало любопытно: «А если я съем эти глазки, что будет?» После этого они пошли гулять. И в тот момент, когда папа сказал: «Мы идём», на лице Марка мелькнуло что-то похожее на предвкушение.

А в пятницу Кирилл с сыном сидели в кабинете, Марк сидел в своём уголке на коврике и молча выстраивал солдатиков в ровные ряды. Папа иногда говорил в трубку спокойным голосом, не торопясь, и Марк будто впитывал этот ритм. В какой-то момент он поднял одного солдатика и тихо, почти шёпотом, сказал: «Бах». Папа не подпрыгнул от радости, не закричал «Ура!», а просто кивнул и сказал: «Да, он стреляет. Но тихо, чтобы никого не напугать». Марк повторил: «Тихо… бах». И улыбнулся краешком рта. Вечером, когда папа читал книжку, Марк не убежал в угол, а придвинулся чуть ближе и положил голову на папино плечо — на полминуты, не больше. Но это были полминуты, когда он поверил, что здесь не сделают больно. А для Кирилла это был день – когда его сын наконец-то произнес первое слово. Мужчина понял, что сын умеет говорить, просто разучился.

Прогулка стала для Марка точкой опоры. Он уже знал: если он спокойно посидит за столом, они пойдут на улицу. И это не было шантажом, а предсказуемостью: мир стал чуть понятнее. В их саду он впервые сам показал пальцем на утку, плавающую в озере: не крикнул, не потянул папу за рукав, а просто ткнул в сторону воды. Папа кивнул: «Да, утка. Она плывёт». Марк повторил: «Плывёт». Слово прозвучало как маленький мост: он бросил его в тишину, и папа поймал. За обедом он съел почти всю тарелку супа, потому что в нём «плавали» маленькие звёздочки из моркови — еда выглядела весело, и это сработало. Не как фокус, а как приглашение: «Посмотри, тут интересно».

В субботу Олеся с дочкой пришли не «воспитывать» Марка, а просто побыть рядом. Девочка принесла с собой маленькую игрушечную лошадку и молча поставила её перед Марком. Он не взял, но и не оттолкнул. Потом, когда девочка тихо сказала: «Она добрая», Марк осторожно потрогал лошадку пальцем. Это было согласие: «Я вижу, что ты стараешься быть доброй». Днём Марк впервые не сопротивлялся, когда его укладывали спать. Он лёг, прижал к

себе зайца, с которым он приехал, а когда папа сел рядом и тихо рассказал короткую историю про зайчика, который боялся темноты, но потом понял, что папа рядом, — Марк закрыл глаза и уснул. Без слёз, без напряжения, просто потому что поверил: его не оставят одного.

В тот же день они играли в «стройку»: папа строил башню из кубиков, Марк подавал нужные детали. Когда башня рушилась, папа не сердился, а говорил: «Бывает. Давай построим снова». И Марк кивал. В какой-то момент он сам сказал: «Осторожно!» — когда папа слишком быстро ставил кубик. Это было его первое «нельзя», сказанное не в страхе, а в заботе: он начал понимать границы и даже пробовать их обозначать. На ужин он сам выбрал, что хочет: не кашу, а кусочек запечённого картофеля, который был нарезан в форме кораблика. И съел его весь. После ужина они снова пошли гулять, и Марк уже не сжимал папину руку до боли, а просто держал её, как будто проверяя: «Ты всё ещё здесь?» И папа отвечал: «Я здесь».

К концу недели Марк ещё не болтал без умолку и не бегал по комнате, смеясь. Но он уже мог подойти, взять нужную вещь, показать пальцем, сказать короткое слово и не ждать, что за это его накажут. Он начал различать: вот это можно бросать (мягкие игрушки), а вот это нельзя (чашка). Он понимал причинноследственную связь не как угрозу, а как правило мира: «Если я буду аккуратен, чашка не разобьётся». Однажды, когда папа снова сказал перед сном: «Ты хороший мальчик, я тебя люблю», Марк тихо ответил: «И ты хороший». Это было не громкое признание, а крошечный, но настоящий шаг навстречу. И когда папа обнял его, Марк не сжался, а на секунду прижался в ответ — так, будто впервые поверил, что его действительно ждут, что он нужен, что этот дом может стать его домом.

Анна осторожно вошла в детскую, мальчик сидел на ковре и играл в ее кубики, собирал башню, она опустилась на ковер рядом с ним, сказала:

— Привет! Вот я и приехала, ты меня еше не забыл?

Мальчик медленно поднял на нее глаза и долго смотрел, наконец-то Анна увидела в его глазах узнавание, и он тихо прошептал: «Няня» Встал, подошел к своему столу где лежало то самое пианино, которое няня принесла в прошлый раз. Всю неделю мальчик в него не играл и никому не разрешал его трогать. Тут он его взял и принес девушке со словами: «Играть»

И они вместе начали нажимать на клавиши, пока вдруг среди игры Анна расслышала его тихие слова:

— Я скучал!

Анна остановила игру, и показала мальчику руками что тот может сесть ей на колени, что он и сделал с осторожной радостью лицом к ней, она тут же его обняла слегка и сказала:

— Я тоже по тебе очень скучала, и ждала того момента когда увижу тебя. Ты знаешь, вы с папой такие молодцы, за неделю столько дел перевыполнили. Но самый большой молодец – это ты Марк, я тобой очень сильно горжусь.

— Правда? молодец? Гордишься? – ребенок пока еще не разговаривал предложениями, только отдельные слова. Но для Анны как психолога – это уже была победа, причем мальчик начал уже говорить и без ее специальных занятий. Сработало: терпение и любовь Кирилла, и супер кулинарные умения Надежды Викторовны. Ребенок уже не выглядел таким тощим каким был неделю назад, пару кг уже набрал.

— Да мой мальчик, ты большой молодец, очень тобой горжусь.

Малыш прислонился к ее груди, его маленькие ручки обняли ее за шею. Так они и сидели, но тут дверь тихо скрипнула, и в детскую вошёл папа — не торопливо, не громко, будто боялся спугнуть этот редкий, тёплый момент. Он остановился на пороге, улыбнулся не широко, а так, чтобы улыбка получилась тихой, почти домашней, и спокойно позвал:

— Ну что, пойдем на обед?

Марк чуть крепче прижался к её груди, будто хотел ещё полминуты тишины, но потом медленно разжал ручки и посмотрел на папу. Не испуганно, а внимательно — будто проверял:

«Ты тот же самый, что и утром?» Папа кивнул, будто понял этот немой вопрос, и протянул руку — не хватая, не дёргая, а просто предлагая: «Если хочешь, можешь взять». И Марк взял. Пальчики у него были маленькие, прохладные, но хватка — крепкая, как будто держаться за папину руку было теперь самым надёжным делом на свете.

В столовой всё было устроено так, чтобы не пугать: никаких резких звуков, яркого света, суеты. На столе стояли тарелки с мягкими, округлыми краями, а у Марка — его собственная, с нарисованным корабликом. На ней лежала не просто картошка, а та самая, нарезанная в форме корабликов: будто еда сама хотела подружиться с ним. Рядом — тарелка с маленькими котлетками, похожими на аккуратные камешки, и миска с супом, где среди бульона плавали звёздочки из моркови.

Папа сел рядом, не напротив, а чуть сбоку — чтобы не нависать, чтобы Марк мог видеть его, но не чувствовать, будто на него смотрят в упор. Анна села с другой стороны, тихо, без лишних движений.

Папа налил себе супа, но не стал есть сразу. Он помешал ложкой, дождался, пока остынет, и сказал спокойно, будто рассказывал историю:

— Знаешь, Марк, суп — это как море. В нём всё плавает: и звёздочки, и картошка, и даже маленькая морковка-рыбка. Если хочешь, можешь сначала рыбку съесть. Или звёздочку. Или вообще просто ложкой поводить, чтобы волны сделать.

Марк посмотрел на ложку, потом на папу, будто взвешивал: «Это правда можно? Просто поводить?» И папа снова кивнул: «Можно». Тогда Марк осторожно взял ложку, не так уверенно, как взрослые, а по-своему, двумя пальцами, и медленно провёл по супу. Волна получилась не очень большая, но настоящая. И он на секунду улыбнулся — совсем чуть-чуть, уголком рта, как будто сам удивился, что у него вышло.

Аня тихо сказала:

— Какой ты аккуратный, Марк. Ты так здорово управляешься с ложкой.

Он не поднял голову, но плечи его чуть опустились — будто напряжение, которое всегда сидело где-то между лопаток, немного отпустило. И когда папа спокойно добавил:

— Да, он молодец. И если не хочется есть всё — ничего страшного. Съешь столько, сколько сможешь. Главное, что ты с нами, — Марк будто услышал не только слова, а то, что за ними стояло: «Ты в безопасности».

Он зачерпнул ложкой немного супа и поднёс ко рту. Не потому что его заставили, не потому что надо, а потому что стало любопытно: «А какой он на вкус?» И когда он проглотил, папа не закричал «Ура!», а просто спокойно сказал:

— Вкусно? Если да, можно ещё. Если нет — можно просто попить воды. Тут всё можно.

Марк кивнул и взял ещё одну ложку. А потом, когда в тарелке осталась только одна морковказвёздочка, он подвинул её к центру и сказал тихо, но чётко:

— Это няне!

Анна улыбнулась, будто ей подарили что-то очень важное, и сказала:

— Спасибо, Марк!

И в этот момент в комнате стало чуть светлее, будто солнце нашло щёлочку между шторами и решило задержаться подольше.

За столом не говорили громких слов, не пытались заставить его болтать. Аня рассказывала тихо про то, как утром кошка сидела на подоконнике и смотрела на птиц. Папа вспоминал, как в детстве ему казалось, что суп — это целое море, и он пускал по нему хлебные кораблики. И Марк слушал. Иногда кивал. Иногда трогал ложкой, чтобы сделать ещё одну волну.

А когда обед закончился, папа не вскочил сразу, не начал торопиться. Он посидел ещё минуту, глядя на Марка, и сказал просто:

— Спасибо, что пообедал с нами. Это было по-настоящему хорошо.

И Марк, уже вставая из-за стола, на секунду прижался к папиному плечу — не крепко, не отчаянно, а так, будто хотел сказать: «Мне тут не страшно».

После обеда Марк повел няню к себе в комнату, где сказал одно слово: «Спать». Няня помогла ему переодеться в пижаму, уложила в кровать, рассказала сказку и мальчик, обнимая зайчика засопел. Она еще тихонько посидела с ним, гладила его кудряшки.

ГЛАВА 8

Уже в кабинете Кирилла, Анна села за его стол, хозяин уже сидел в своем кресле и передал ей договор на сотрудничество. Она прочитала договор, но попросила изменить один пункт: срок действия.

— Кирилл Андреевич как вы себе это представляете, как я буду у вас работать до 13 лет вашего сына? Зачем вам няня до такого возраста? В 13 лет дети уже самостоятельные и осознанные. Можно даже сказать вполне взрослый народ. Я вообще хотела как раз обсудить этот пункт с вами. Вы понимаете, что вашему сыну нужна мама, а не няня? Это сейчас он еще не адаптировался к обстановке, но чуть позже он начнет спрашивать про маму, и если вы не поженитесь в ближайшее время с Олесей, либо с другой дамой, то ваш сын спустя какое время станет видеть маму в няне, то ест во мне. И я не хочу еще одну психологическую травму ему наносить.

От всего вышесказанного Кирилл сидел как пришибленный. Он даже как-то и не подумал об этой стороне вопроса.

Кирилл опустил взгляд в чашку с остывшим кофе. Пальцы машинально теребили край салфетки.

— Вы правы, Анна Николаевна, — сказал он наконец глухо. — Я это понимаю. Просто… я не думал, что это так быстро случится. Что он начнёт спрашивать.

— Дети в этом возрасте не задают вопросов словами, Кирилл Андреевич. Они задают их взглядом. Вы замечали, как он смотрит на нас, когда мы вместе накрываем на стол? Он смотрит и складывает у себя в голове картинку: вот семья. А я в этой картинке стою на месте, где должна быть мама. И это меня и тревожит.

— Но я ведь собирался… — Кирилл запнулся. — У меня серьёзные отношения с Олесей. Мы просто… не торопились.

— Почему?

Он замолчал. Ответ был неприятным, и он знал его заранее: потому что боялся. Боялся, что снова не получится, что ребёнок привыкнет к новой женщине, а потом всё развалится — и тогда второй удар будет страшнее первого.

— Потому что я боюсь ошибиться, — честно сказал он. — Марк и так получил свою долю. Я не хочу, чтобы рядом с ним появлялись люди, которые потом уйдут. Вот и держался.

— Поймите, — Анна чуть наклонилась вперёд, — откладывая решение, вы не защищаете его. Вы просто переносите удар на потом. И к тому моменту, когда он его получит, он будет привязан к вам сильнее, любить вас сильнее — и удар будет больнее. Пятилетнему ребёнку всё равно, штамп стоит в паспорте или нет. Ему важно, что женщина, которая его кормит, читает ему и гладит по голове перед сном, — это не временная. Что она — навсегда.

— Вы думаете, Олеся…

— Я знаю Олесю уже 10 лет, но я не могу вам сказать что Она это или не Она, вы сами должны сделать этот выбор — Анна пожала плечами. — Но я знаю, что Марк за неделю начал есть с чужой для него женщины из одной тарелки суп. Это говорит о том, что он открыт. Окно сейчас открыто. Потом оно начнёт закрываться — дети, которые были обмануты в доверии, закрываются очень рано и очень плотно.

Кирилл встал, подошёл к окну. За стеклом серело ноябрьское небо.

— А если она уйдёт? — спросил он, не оборачиваясь. — Если я женюсь, Марк привяжется к ней, назовёт её мамой… а потом она уйдёт. Вы представляете, что с ним будет?

— Представляю. Так же, как представляю то, что будет, если он назовёт мамой меня, а я через год уйду, потому что моё присутствие станет не нужно, — Анна говорила спокойно, без нажима. — Кирилл Андреевич, любой выбор в жизни — риск. Но есть риск, на который идёшь

сознательно, ради человека, и есть риск, который ты создаёшь своим бездействием. Второй хуже.

Он медленно обернулся.

— И что вы предлагаете? Прямо завтра просить её руки?

— Я не предлагаю жениться завтра. Я предлагаю перестать делать вид, что вопрос не существует. Поговорите с Олесей. Честно. Скажите ей про Марка, про его страхи, про то, что ему нужна не красивая женщина по выходным, а мама — каждый день. Посмотрите на её реакцию. Если она испугается — вы узнали это сейчас, а не через два года. А если она скажет «да»…

Анна встала и посмотрела на часы.

— …то у вас появится время всё выстроить правильно. Приглашения, знакомство, дом, свадьба — не как буря, а как тихий, понятный ребёнку процесс. Дети выдерживают очень многое, если им объясняют. Марк простит вам многое. Он не простит только одного — когда снова исчезнет кто-то, кого он начал считать своим.

Кирилл долго молчал. Потом сказал тихо:

— Знаете, что самое странное? Я всё время думал, что оберегаю его. А получается, что откладывая, я его… обманываю. Как те, кто его и довёл до этого состояния.

— Нет, — Анна покачала головой. — Те, кто его довёл, не думали о нём вообще. А вы думаете — и поэтому сидите тут и мучаетесь. Это уже совсем другая история. Хуже было бы, если бы вы не мучились.

Она собрала свои записи, досье на мальчика, которое собирали его люди, но у двери остановилась:

— И последнее. Когда будете разговаривать с Олесей — не начинайте с «мне нужен штамп в паспорте». Начните с Марка. Скажите ей про его пустой сундучок. Если она его услышит — всё встанет на свои места. Если нет… значит, вам стоит подождать ту, которая услышит.

Дверь за ней закрылась, а Кирилл ещё долго стоял посреди кабинета, глядя на детский уголок — туда, где на коврике всё ещё стояла неровная башня из кубиков. И впервые за долгое время он понимал, что самый страшный вопрос — не «а вдруг не получится», а «а что будет, если я так и не решусь».

Анна наконец-то попала в свою комнату. Дверь тихо щёлкнула, отрезая коридор с его дневными шорохами и голосами. Здесь было тихо — так тихо, что слышно было, как за стеной Надежда Викторовна тихонько напевает себе под нос, накрывая стол к обеду. Но эта тишина была не давящей, а бережной, будто дом сам давал ей эти минуты, чтобы выдохнуть.

Ей нужно было успеть до того, как проснётся Марк. Не потому что она хотела что-то от него скрыть, а потому что знала: как только он откроет глаза, весь её мир снова станет про него. Про его взгляд, про то, как он щурится на свет, про то, тянется ли он к ней или хочет сначала постоять в стороне и привыкнуть к дню. И это было правильно, это было главное. Но сейчас ей нужно было пять минут для себя — чтобы дочитать, додумать, дочувствовать.

Она уселась на мягкий ковёр, привычно подогнула ноги, облокотилась спиной на стенку кровати — так, чтобы чувствовать опору, будто кровать держала её, пока она сама едва держалась. Отложила свои записи и взяла досье на мальчика. На обложке не было ни печатей, ни громких надписей — просто скоба и несколько листов, которые могли перевернуть всё, что она знала.

Анна открыла досье. Сначала шли сухие строки: даты, адреса, фамилии людей, которые когда-то должны были следить за тем, чтобы с ребёнком всё было в порядке. Потом — выписки, короткие и безжалостные, где вместо слов «ему было страшно» стояли медицинские термины, а вместо «его оставляли одного в темноте» — строчки про «периоды сенсорной депривации» и «задержку речевого развития на фоне психотравмирующего опыта».

Анна бегло пробегала глазами по строкам, и с каждой новой фразой внутри что-то сжималось всё сильнее. Она и так многое подозревала — по тому, как Марк вздрагивал от щелчка выключателя, по тому, как он прижимался к стене, если кто-то слишком резко двигался, по тому, как он долго смотрел на дверь, будто ждал, что её сейчас захлопнут и повернут ключ. Но видеть это, записанное чёрным по белому, подтверждённое подписями и печатями, — было в тысячу раз тяжелее.

Через пятнадцать минут ей стало всё ясно. Не осталось ни сомнений, ни иллюзий, ни надежды на то, что «всё было не так плохо, просто обстоятельства сложились тяжело». Всё было именно так плохо. Хуже, чем она позволяла себе думать.

Она перевернула страницу — и наткнулась на фотографии. Не постановочные, не из семейного альбома, а те, что делали люди Кирилла: обычная квартира, но в ней было столько пустоты и холода, что казалось, будто воздух там был другим — более плотным, более тяжёлым. На снимках были голые стены, одинокий стул у окна, узкий шкаф с одной приоткрытой дверцей, будто кто-то в спешке что-то искал. И в углу — маленькая раскладушка, такая узкая, что на ней и взрослому было бы тесно, а для пятилетнего мальчика она казалась совсем игрушечной, будто его специально старались сделать незаметным.

Анна перебирала фотографии одну за другой, водя пальцем по краям, словно пыталась стереть этот холод, выгнать его из кадра. И тихо плакала. Не громко, без всхлипов, чтобы никто не услышал, чтобы в доме не встревожились, не прибежали с вопросами. Просто слёзы катились по щекам, падали на папку, на бумагу, и она не вытирала их — пусть текут, пусть хоть так выйдет эта тяжесть, которая теперь лежала у неё на груди.

ГЛАВА 9

До пяти лет мир Марка состоял из тишины, холода и редких вспышек чужого голоса. Квартира пахла затхлостью и чем-то едким, от чего у него щипало в носу и хотелось спрятаться под старый плед, колючий и тяжёлый, будто он мог защитить. Комната, где он жил, была узкой, с окном, завешанным плотной тканью: свет туда почти не попадал, и день от ночи отличался только тем, что днём мама иногда появлялась, смотрела на него отсутствующим взглядом и бормотала: «Не мешай». А ночью в квартиру приходили чужие люди, говорили громко, смеялись резко, и тогда Марк сжимался в комок на своём маленьком диване и старался дышать как можно тише, будто если его не слышно — его и нет.

Еду он научился замечать по запаху: если в кухне появлялся запах варёной картошки или хлеба, можно было тихо подойти и ждать. Иногда ему давали кусочек, иногда забывали. Он быстро понял, что просить нельзя — от этого голос мамы становился злым, а отчим мог рявкнуть: «Опять тут крутится!» Тогда Марк уходил в угол, где стояла коробка с парой старых игрушек, и прижимал к себе потрёпанного зайца. Заяц пах пылью, но это был единственный запах, который не пугал.

Дни тянулись одинаково: он сидел у окна, смотрел, как за мутным стеклом падают снежинки или льётся дождь, и считал капли. Или раскладывал на полу кубики — не строил, а просто раскладывал в ровные ряды, будто пытался навести хоть какой-то порядок в мире, который никак не хотел становиться понятным. Иногда отчим приходил домой раздражённый, и тогда лучше было вообще не двигаться, не шуметь, не смотреть в глаза. Марк научился замирать: он становился маленьким, незаметным, почти прозрачным. И когда дверь за отчимом закрывалась, он выдыхал так, будто только что удержал на плечах что-то очень тяжёлое.

Мама редко говорила с ним. А когда говорила, слова были короткими и холодными: «Сиди тут», «Не трогай», «Молчи». Марк не знал, что такое «обнять», «похвалить», «ты молодец». Он знал только «нельзя», «стой», «не мешай». И поэтому, когда позже папа впервые тихо сказал ему: «Ты хороший мальчик», Марк сначала не понял, о чём речь. Ему казалось, что хорошие слова — это как еда, которую дают не всем, и уж точно не ему.

Иногда в квартире становилось совсем тихо — и это пугало больше всего. Тишина означала, что мама где-то пропала, что никто не принесёт даже корку хлеба, и что день будет состоять из ожидания: когда откроется дверь, когда кто-то вспомнит, что он тут есть. Он научился занимать себя сам: перебирать пуговицы из старой коробки, считать плитки на полу, слушать, как тикают часы в коридоре — этот звук был единственным, кто не кричал, не торопил, не пугал.

И всё же в этом холодном мире у него были свои маленькие точки опоры. Заяц, которого он прятал под подушку. Окно, за которым иногда появлялись птицы — они не смотрели на него, не ругали, просто сидели на карнизе, и этого было достаточно, чтобы почувствовать: где-то есть что-то, что живёт спокойно. И ещё — одна старая книжка с картинками, которую кто-то когда-то забыл на полке. Марк не умел читать, но подолгу разглядывал картинки: там были дома с тёплыми окнами, собаки, улыбающиеся дети. Он водил пальцем по страницам и будто запоминал, как выглядит мир, в котором можно не бояться.

Когда его наконец забрали оттуда, он не сразу поверил, что всё изменилось. Первое время он всё ещё ждал резкого слова, резкого движения, внезапной тишины. Он не знал, что можно просто сесть рядом с человеком и молчать, а тот не будет злиться. Не знал, что еду можно не выпрашивать, а просто получить. И уж точно не знал, что кто-то может сказать: «Я тебя люблю» — и это будет не случайная фраза, а обещание, которое держат.

На пороге комнаты появился ребенок со своим зайцем, еще пока сонный с растрепанной шевелюрой, Анна заметила не сразу его, он проснулся как-то тихо. Она быстро собрала все что было на полу, встала и положила документы на свой стол.

— Маркуша, ты уже проснулся. Молодец. Пойдем переоденемся – беря его за руку, она вывела ребенка из своей комнаты. Их комнаты были смежными, их личные пространства разделяла только дверь.

Их комнаты находились в тихом крыле дома — не в парадной части, где всё сверкало стеклом и металлом, а там, где дом будто чуть-чуть замедлял дыхание. У каждой комнаты была своя входная дверь. Дверь Анны была чуть ниже стандартной — будто специально для того, чтобы, входя, невольно наклонить голову и сразу стать тише.

Внутри пахло не парфюмом и полиролью, а тёплым деревом и сушёной мятой. Свет здесь был не резким, а собранным в мягкие островки: бра над кроватью да настольная лампа с кремовым абажуром, отбрасывавшая на стены круги тёплого света.

У окна стоял небольшой письменный стол — простой, без вычурных деталей, но с глубокой выдвижной полкой, где Анна хранила свои записи, цветные карандаши (она любила делать пометки от руки) и тонкую стопку блокнотов. На столешнице лежал раскрытый ежедневник, а рядом — аккуратная стопка детских книг: от коротких сказок до толстых иллюстрированных энциклопедий про поезда и динозавров. Рядом с ними — маленькая деревянная шкатулка с замочком; в ней Анна держала самое личное: несколько писем, засушенный цветок и крошечную фигурку слоника, которую ей когда-то подарила мама.

Кровать была низкой, с простым льняным покрывалом цвета овсяной каши. На ней всегда лежала пара подушек — одна побольше, другая поменьше, и на меньшей неизменно оказывался маленький вязаный зайчик: Анна брала его с собой, когда читала Марку перед сном. Над кроватью висела простая пробковая доска, не для строгих графиков, а для мелочей: тут пришпилили расписание прогулок, записку от домработницы с пометками про еду Марка, несколько детских рисунков (один из них — неровный, с размазанными красками — Анна особенно берегла) и фотографию, где она в саду держит на руках смеющегося щенка.

В углу стоял невысокий шкаф с дверцами, расписанными тонкой кистью: на одной — солнце с лучами-завитушками, на другой — кораблик с парусом. Внутри висели её платья и кардиганы спокойных тонов: серый, бежевый, тёплый оливковый — цвета, которые не пугают, а убаюкивают взгляд. На отдельной полке лежали запасные носочки, мягкая шапочка на случай внезапной прогулки и пара книжек «на всякий случай» — если Марк вдруг проснётся ночью и попросит почитать.

На полу лежал ковёр с коротким ворсом, приглушённосинего цвета, похожий на спокойное море. И спустя неделю после приезда на нём Анна часто сидела, скрестив ноги, когда Марк устраивался рядом и выкладывал свои солдатики или кубики. Рядом стояла плетёная корзина: в ней хранились запасные пледы, коробка с простыми деревянными игрушками и мешочек с камешками и шишками — для сенсорных игр, когда Марку нужно было чем-то занять руки и немного успокоиться.

Окно выходило в тихий внутренний дворик, где росли старые кусты сирени. По утрам на подоконнике появлялись капли росы, а иногда присаживались воробьи, и Анна тихо шептала Марку: «Смотри, гости». На самом подоконнике стояли два маленьких горшка с неприхотливыми растениями — мята и хлорофитум, — и рядом лежала тонкая тетрадь, куда Анна записывала наблюдения: что Марк сегодня съел, на что посмотрел дольше обычного, какое слово пробормотал, когда думал, что никто не слышит.

Всё в этой комнате было устроено так, чтобы здесь можно было дышать. Чтобы не нужно было быть «идеальной няней», а можно было просто быть рядом: налить чашку чая, сесть на ковёр, открыть книжку и тихо сказать: «Ну что, давай посмотрим, что там дальше?»

И два этих пространства огромных внутри объединяла еще одна дверь, их тайная дверь. Укладывая ребенка спать днем, Анна ему показала эту тайную дверь в ее спальню и сказала, что он может к ней приходить в любое время, когда дверь открыта. А когда дверь закрыта, значит няни там нет.

Уже вечером после того как день подошел к концу, и они пошли укладываться спать, малыш уже засыпал, няня ему прошептала:

— Если вдруг приснится страшный сон, то сразу беги ко мне в кровать, не бойся. Хорошо?

И мальчик сонно кивнул головой.

Сегодня Анна наконец-то увидела задний двор виллы и это ее впечатлило очень.

Задний двор тянулся от террасы дома широкой зелёной лентой и будто специально был устроен так, чтобы в нём хотелось задержаться подольше.

Ближе к дому, там, где газон был особенно ровным и мягким, стояла детская площадка. Она не кричала яркими красками, а мягко приглашала: невысокая горка с пологим спуском, лесенка с широкими ступенями, песочница с крышкой, которая днём приоткрывалась, чтобы песок успевал прогреться на солнце. Рядом — компактный спортивный уголок: турник по росту подросшего ребёнка, кольца и верёвочная лестница, пока ещё почти нетронутая. По краю площадки шла невысокая деревянная ограда с закруглёнными столбиками — безопасная и при этом настоящая, будто маленький заборчик, за которым можно прятаться и чувствовать себя в своём собственном мире.

Чуть дальше, за полосой молодых клёнов, начиналось озеро. Оно было не большим, но глубоким, с тёмной, спокойной водой, в которой отражались облака и верхушки деревьев. Берег полого спускался к воде, и там, где трава становилась реже, проглядывали плоские камни — на них удобно было присесть, опустить пальцы в воду или просто посидеть, слушая, как плещется у берега мелкая волна. По воде неторопливо скользили утки: взрослые плыли степенно, а утята торопились за ними, будто боялись отстать. Иногда они подплывали совсем близко к берегу, вытягивали шеи, надеясь на кусочек хлеба, но тут же отплывали, если кто-то делал слишком резкое движение. У кромки воды лежала маленькая деревянная пристань на сваях — совсем простая, без перил, но крепкая; с неё было удобно смотреть на уток и бросать в воду гладкие камешки, слушая тихий всплеск.

В стороне, в тени старой липы, висели качели в виде широкой скамейки. Их сделали так, чтобы на них можно было сидеть вдвоём: прочная доска, отполированная временем до тёплого оттенка, и толстые цепи, слегка потёртые, но надёжные. Подушки на скамейке были из плотной ткани, цвета пыльной розы, и их легко было снять и занести в дом, если начинался дождь. Когда качели качались, они издавали тихий, едва слышный скрип — не раздражающий, а наоборот, уютный, как будто дом тихонько напевал себе что-то под нос. Рядом с качелями стояла низкая скамеечка — для того, чтобы ребёнку было удобно забираться наверх. А на самой липе, чуть выше спинки качелей, висел маленький скворечник с аккуратной щелью: Анна сегодня сказала Марку, что там живёт семья воробьёв, и они первыми замечают, когда кто-то приходит на качели.

Между площадкой, озером и качелями петляла дорожка из плоских камней, между которыми пробивалась мягкая трава. По бокам дорожки росли кусты сирени и жасмина, а ближе к воде — ирисы и камыш, который шуршал, если дул ветер. Вдоль дорожки стояли невысокие фонари на солнечных батареях: вечером они загорались тёплым светом и делали двор похожим на иллюстрацию из сказки — будто здесь всегда безопасно и всегда ждут.

После дневного сна они пошли гулять, они вышли на террасу, и тёплый ноябрьский воздух сразу обнял их, пахнув травой и чуть-чуть — дымом из дальней беседки, где садовник что-

то поджигал для компоста. Марк тут же потянул Анну за руку, уверенно, по-хозяйски, будто это он тут всё знает, а она — гостья, которую надо провести по самым важным местам.

— Там утки, — прошептал он, тыча пальчиком вперёд, и тут же добавил, словно боялся, что она не поймёт: — Много.

Анна улыбнулась, но не стала ничего объяснять или поправлять. Просто пошла рядом, чуть замедляя шаг, чтобы его короткие ножки успевали.

У озера действительно собралась целая стая: взрослые утки чинно плавали кругами, а утята носились туда-сюда, будто играли в догонялки. Марк остановился у кромки воды, прижался к Анне, но не назад, не чтобы спрятаться, а скорее, чтобы почувствовать: она тут, рядом, и всё в порядке. Он снова показал пальцем:

— Плывут.

— Да, плывут, — тихо согласилась Анна, наклоняясь, чтобы быть на его уровне. — Смотри, какой у того, в зелёной шапочке, хвостик дрожит. Наверное, торопится.

Марк на секунду задумался, будто пытался уложить это в голове: у утки есть хвостик, и он дрожит, потому что она торопится. Потом кивнул, будто сам себе разрешил это запомнить.

Он осторожно нагнулся и поднял с земли гладкий камешек — тот самый, какой бросают, чтобы он прыгал по воде. Подержал его в ладони, посмотрел на Анну, будто спрашивал разрешения. Она чуть наклонила голову:

— Если хочешь, можешь просто положить его в воду. Или подержать ещё. Как тебе хочется.

Марк помолчал, а потом тихо, почти шёпотом, сказал:

— Брошу.

И бросил. Камешек плюхнулся с тихим «чпок», и по воде пошли круги. Утки чуть отплыли, но не улетели — привыкли, что тут не пугают. Марк смотрел на круги, как на чудо, и вдруг улыбнулся — не широко, не во весь рот, а так, как улыбаются, когда видят что-то своё, личное.

— Ещё, — сказал он, уже чуть громче.

Анна наклонилась, пошарила в траве и нашла ещё один камешек, поменьше, с белёсой прожилкой. Протянула ему:

— Держи. Этот лёгкий.

Марк взял, сжал в кулачке, потом снова бросил. На этот раз «чпок» получился чуть тише, и круги были поменьше. Он посмотрел на Анну, будто ждал, что она скажет: «Молодец». Но Анна сказала другое, лучше:

— Ты умеешь бросать так, чтобы вода слушала.

Марк не понял всех слов, но смысл уловил: он делает что-то правильно, и мир на это откликается.

Потом он потянул её к качелям. Сел на скамейку, постучал по месту рядом:

— Тут.

Анна села. Качели тихонько скрипнули, и они поплыли вперёд-назад, медленно, чтобы не пугать, чтобы Марк успевал замечать всё: как ветер шевелит листья, как где-то далеко чирикает воробей, как утка поворачивает голову и будто смотрит прямо на них.

— Тихо, — сказал Марк, прижимаясь плечом к её боку.

— Тихо, — повторила Анна, обнимая его одним локтем, не крепко, а так, чтобы он мог в любой момент отодвинуться, если станет много. Но он не отодвинулся.

Он посидел, послушал мир, а потом снова показал пальцем — теперь на скворечник на липе:

— Птичка.

— Наверное, дома сидит, — так же тихо сказала Анна. — Ждёт, когда дождь пойдёт. Или когда кто-нибудь принесёт семечек.

Марк задумался, потом серьёзно посмотрел на неё и сказал:

— Завтра.

Анна чуть улыбнулась:

— Завтра можно будет принести. Если ты хочешь.

Он кивнул, будто заключил важное соглашение: завтра они принесут семечек для птички. И пусть пока это самое большое его дело — оно было настоящим.

Солнце уже клонилось к закату, и двор наполнялся длинными тенями. Марк прижался к Анне чуть крепче, но не испуганно, а как будто проверял: «Тут хорошо». И Анна тихо прошептала ему в макушку:

— Тут хорошо. И тут тебя ждут.

ГЛАВА 10

В тот же вечер у Кирилла с Олесей состоялся серьезный разговор в их спальне. Во-первых, он попросил подругу не обзывать своего сына нехорошими словами, и во-вторых, попросил принять его сына как своего сына.

Кирилл стоял у книжного шкафа, будто выискивал какуюто книгу, но на самом деле просто пытался подобрать слова, чтобы не сорваться. Олеся замерла в дверях, будто чувствовала: сейчас будет не обычный разговор.

— Олеся, — голос Кирилла звучал ровно, но твёрдо, без крика, и от этого становилось даже тяжелее. — Сегодня, когда Юля была рядом… ты назвала Марка дураком.

Олеся побледнела, поняла что от этого разговора она не убежит, весь день она надеялась, что это как-то мимо нее пройдет, но Кирилл не сводил глаз с Олеси.

— Я… я не думала, что она слышит, — прошептала Олеся, голос дрогнул. — Просто он опять не хотел уходить, тянул время, я разозлилась…

— Вот именно, — Кирилл шагнул ближе, но не нависал, не давил. — Когда злишься — лучше вообще ничего не говорить. А уж тем более такие слова. Юля всё впитывает, как губка. Если она будет слышать это про Марка, она начнёт думать, что так можно. Или начнёт бояться, что если она сама чтото сделает не так, её тоже так назовут. А Марк… ему и так страшно, он только-только начинает верить, что здесь безопасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.